

ВПЕРВЫЕ ТРИ БЕСТСЕЛЛЕРА В ОДНОЙ КНИГЕ!

МЫ — РУССКИЕ!
С НАМИ БОГ!

ВРАГИ РОССИИ

ИМПЕРИЯ
КОРРУПЦИИ

Владимир
СОЛОВЬЕВ

**РУССКАЯ
ТРОЙКА**

Владимир Рудольфович Соловьев

Русская тройка (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20809917

Русская тройка (сборник): Э; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-88126-0

Аннотация

Какая она – современная Россия? Какое будущее ее ждет? Какие новые союзы возникнут на ее политической арене? С кем Россия в ближайшее время будет дружить? Кто они – настоящие враги России? Чем коррупция похожа на бактерии? Как отличить истину от ложных идеалов? И стоит ли сегодня жить так, как будто завтра наступит апокалипсис? Книга известного журналиста Владимира Соловьева объединяет работы, которые выходили в книгах «Мы – русские, с нами Бог!», «Враги России» и «Империя коррупции». Ретроспектива ярких, предельно откровенных произведений о реалиях современной российской жизни показывает острую актуальность каждого пассажа и порой неожиданного вывода автора. Владимир Соловьев в этом сборнике верен себе – он ироничен, остроумен и при этом прежде всего остается профессиональным журналистом – он говорит о том, о чем большая часть его коллег и сограждан не решается даже вскользь упоминать. Соловьев уверен, что для того, чтобы понять самих себя и выбрать верный дальнейший

путь, важно быть честными с самими собой и не лукавить прежде всего себе. Сборник адресован читателю, который не боится взглянуть суровой правде в лицо и в то же время с большой долей оптимизма готов строить свое будущее в своей стране.

Содержание

Мы – русские! С нами Бог!	6
Предисловие	6
Кто мы?	9
История подлинная и ложная	30
Битва за умы	43
70 лет социального эксперимента	63
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Владимир Соловьев

Русская тройка (сборник)

© Соловьев В., 2016

© ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Мы – русские! С нами Бог!

Предисловие

Мне надоели дураки.

Понимаю, что в своих настроениях я не оригинален и совсем не одинок. Вопрос лишь в том, кого считать дураками.

Я к таковым отношу всех тех, кто бежит по нашей Родине и с пеной у рта, разрывая рубашку на груди, пытается выяснить, кто какой национальности. Тех, кто, остановившись напротив меня, с таким чекистским прищуром заявляет: «Евреи – уезжайте в свой Израиль!» Тех, кто на улицах наших городов преследует людей с иным цветом кожи и разрезом глаз или в национальных республиках устраивает травлю представителей других народов. Тех, кто, заходясь в воплях, скандирует: «Россия для русских!» или «Татарстан для татар!». Все они – зло, все их действия и поступки противоречат великому русскому пути и ведут страну в тупики истории.

Эти глупцы не ведают, что творят, но именно от них исходит главная на сегодняшний день угроза российскому государству, которое на протяжении всей многовековой трагической истории своего существования, двигаясь путем проб и ошибок, беспримерного героизма и неисчислимых жертв,

выполняет божественное предназначение.

Хорошо понимаю, какую волну ненависти вызовет моя книга. Но сейчас, когда впервые за последние 40 лет Россия стала постепенно выходить из кризиса государственности, очень важно не замалчивать самые болезненные вопросы нашего существования, пусть и касаются они не материальных благ, а коллективного духовного подвига русского народа.

У меня дома хранится фотография – мой дед, подполковник Красной Армии, у Бранденбургских ворот вместе со своими друзьями. Подпись: «Май 1945 года». Когда я смотрю на эту фотографию, все время думаю, что деду тогда было всего лишь 39 лет. А мне уже 45. И я думаю, что великий народ-победитель, нравится нам это или нет, назывался советским народом. Сейчас немодно говорить об этом, но, тем не менее, это была новая историческая общность людей, понять которых нам сейчас очень нелегко. Они жертвовали всем, у них были другие идеалы, другие представления о жизни, и в наследство они оставили нам совершенно удивительное чувство, которого нет у немцев, нет у итальянцев, нет у французов – нет, по большому счету, ни у кого на Земле, – чувство победителей. И это чувство победителей – до сих пор единственное, что объединяет всех живущих на территории одной шестой части суши.

Конечно, мы – поколение, пришедшее следом, – имеем довольно слабое отношение к достижениям советского периода, но они все равно греют мне душу. Примерно так же, как

современным итальянцам – ощущение, что когда-то великая Римская империя гремела по всему миру. Мы тоже наследники великой империи, но вместе с тем сейчас мы ощущаем на себе все проблемы, вызванные ее распадом. В частности, вдруг исчезло понимание того, что такое великий советский народ, и возникла необходимость осознать, кто же теперь живет на территориях независимых государств. Там, где эта территория относительно невелика, все понятно: в Армении живут армяне, в Грузии – грузины. Примерно так же обстоят дела и у представителей других национальностей. А вот кто живет в России? Конечно, не только русские.

Так кто мы? Россияне? Новая историческая общность? А чем мы характерны? Кто мы такие? Наследники великой империи – или не только? И с какого момента отсчитывать возникновение этой новейшей исторической общности, которую стало принято обозначать словом «россияне»? С того момента, как Борис Николаевич Ельцин попытался это выговорить? Или чуть пораньше – где-то с Иоанна Грозного? И как быть с советским периодом? Сложно найти ответ, очень сложно. Отсюда и детские болезни ультранационализма, отсюда и глупость многих мудрецов, которые никак не могут выбраться из детских одежд шовинизма. Но вместе с тем под всей наносной пеной присутствует глубинное осознание того, что великому народу уготована великая судьба. Какой она будет – зависит уже от нас.

Кто мы?

Попытке ответить на этот вопрос посвящены целые тома. Читая научные труды, забираясь в глубь веков, мы постоянно натываемся на подмену истории политической необходимостью. Достоверных источников крайне мало. Наше представление о собственном прошлом скорее базируется на традиции восприятия, чем на реальных документах эпохи. То, что мы изучали в школе, не выдерживает никакой критики взрослого ума, потому и становятся столь популярны альтернативные теории нашего прошлого, о которых мы еще поговорим ниже. Надо заметить, что их право на существование зачастую так же плохо подтверждено артефактами, как и нынешние «официальные» версии.

В любом случае мы рисуем себе великую историю – что абсолютно обосновано по факту выживания России как государства на гигантской территории в течение тысячелетия.

К моему непреходящему удивлению, наша историческая наука ни разу не попыталась донести до широчайших слоев населения сведения о том, что же происходило на территории современной России во времена расцвета Египта, Китая, Греции и Рима. Что делали наши предки во времена Троянской войны и походов Александра Македонского, как они пережили Аттилу? Все ответы, которые мне попадались, были весьма забавными, они запросто украсили бы собой

некогда знаменитую последнюю страницу «Литературной газеты», телепередачу «Кабачок «13 стульев» или юмористический раздел журнала «Юность», – вроде того, что философ Сократ, оказывается, был наш, русский, и мудрость его как раз отражена в имени – «умнее всех во сто крат». Самое удивительное то, что и в работах, претендующих на статус серьезных исследований, аналогичные «фонетические» примеры приводятся как доказательство.

Или вот другая версия – дескать, по нашей земле когда-то бегали кентавры. Впрочем, согласитесь, это все же гораздо благообразней, чем быть землей апокалиптических Гога и Магога.

Конечно, не остались в стороне и археологи, раскопав некий город неподалеку от Челябинска и успев заявить, что он подревнее шумерского будет. Даже если предположить, что это действительно так, возникает вопрос: почему о Гильгамеше знает весь мир, а о правителе этого населенного пункта не ведаёт никто? Так что вслед за авторами школьных учебников будем считать, что наша великая история начинается с очень туманного периода славянских племен, то есть века с VIII, к которому вдруг стало модно обращаться в кругах нынешних националистов, доводящих свою ненависть к евреям до отрицания христианства и воспевающих язычество как альтернативу.

Официально признанная, но оставляющая при этом открытыми множество вопросов история о приглашении варя-

гов и происхождении самого названия «Русь» от варяжского термина, означающего «война на ладье», дает некоторым основание продолжать искать правду и мудрых правителей на Западе. Эти люди считают, что сами мы генетически не способны угнаться за развитыми цивилизациями и только и можем, что призывать тамошнюю элиту править нами, так как сами глупы и нерадивы.

Забавно, что версия о нерадивости и скудоумии русского народа нашла свое отражение и в самых оголтелых кругах черносотенного движения. В своем животном антисемитизме они колоссально завышают возможности еврейского народа, приписывая ему совершенно сверхъестественные способности – как, например, способность уже по факту рождения знать о некоем хитром плане по подчинению мира и участвовать в его реализации. При этом подразумевается, что все остальные народы глупы и слабы, раз позволяют этой малочисленной группе управлять миром. Неясно, впрочем, какая цель движет управляющими, поскольку ни одну из заявленных задач современные евреи так и не смогли реализовать до конца.

Под этими задачами я понимаю две. Первая – сионистская: сбор всех евреев на земле обетованной. Отец этой идеи, венский журналист Теодор Герцль, никогда не был человеком набожным, да и вообще считал, что собратиться можно где угодно, хоть в Уругвае. Кроме того, для Герцля была важна этническая, а не религиозная составляющая, поскольку

во многих странах евреи находились на положении пораженных в правах, как сейчас наши бывшие сограждане в странах Прибалтики. Поэтому и поклонников идеи сионизма среди революционно настроенных и принципиально отказавшихся от религии евреев было множество. Результатом стало возникновение светского государства Израиль.

Вторая же задача, стоящая перед евреями религиозными, напрямую не озвучивается, однако позволю себе предположить, что она состоит в работе над духом еврейского народа, чтобы развитие его привело к дарованию Третьего Храма. Это возможно только на священной для евреев земле и только в условиях религиозного государства. Таким образом, первая и вторая задачи коренным образом друг другу противоречат, и можно с уверенностью сказать, что главным врагом иудаизма является сионизм, подменяющий содержание (обретение народом земли и веры) формой (проживанием на земле). Да и внутри самого иудаизма разворачивается бесконечное число внутренних конфликтов, на разрешение которых уходят все силы. Людям извне непросто понять, насколько заполнена жизнь религиозного еврея, – в общем случае у него нет ни сил, ни возможности, ни желания знать, что происходит за пределами его пространства, и уж тем более нет сил и желания каким-либо образом вмешиваться в происходящее там.

Здесь же важно отметить, что антисемитизма нет в тех странах, где, по мудрому выражению Уинстона Черчилля,

народ не считает себя глупее евреев. Но нашим черносотенцам эта идея не по нраву. Они убеждены, что народ глуп и заговора не видит, так что именно им выпала задача раскрыть людям глаза. При этом вопрос, на чем же основано их мнение о том, что русский народ глупее евреев, остается без ответа. Ничего определенного на этот счет они сказать не могут, ограничиваясь невнятными завываниями.

Несколько забегаю вперед, скажу, что такое отношение, конечно, не случайно, но имеет совсем другую подоплеку – ревность в борьбе за Божественную любовь, ревность беспочвенную, исходящую из ложного, на мой взгляд, понимания предназначения еврейского и русского народов.

Конфликт между русскими и евреями, бесспорно, не является ни единственным, ни самым важным. Российская империя прирастала территориями с народами, их населяющими, навсегда изменяя там бег времени и загоняя коллективное подсознание и историческую память покоренных народов в прокрустово ложе имперской идеи и единой официальной истории. При ослабевании централизма происходит бурный, зачастую взрывоподобный рост национального чувства, использующий как питательную среду историко-национальную или религиозную самобытность.

Появилось новое поветрие – мифотворчество, основанное на стремлении не только возвеличить собственное прошлое, но и унижить недавних господ. Яркий пример – реакционеры из малых народов, считающие себя потомками ве-

ликих завоевателей. Эти насквозь политизированные идеологи от истории пытаются унижить наш народ, выводя название «славянин» от «словить» («полонить»), то есть славяне — это рабы, принадлежавшие, конечно же, их предкам.

Особенно любопытно наблюдать за борьбой, которая происходит сейчас в исторических и околоисторических кругах по вопросу происхождения казаков. Нас в школе учили, что никакой это не отдельный народ, а романтические разбойники, бывшие крепостные, сбежавшие от помещичьего гнета. Никого не смущало, что количество этих храбрецов превосходило физические возможности побегов. Сегодня же стала очень популярна иная точка зрения. Согласно ей казаки — этнически вовсе не русские, а остатки кипчаков, народа, жившего на границах Российской империи, служившего наемным воинством и во многом обогатившего русский язык и культуру. Не думаю, однако, что у кого-то из моих современников могут возникнуть сомнения в том, что казаки в основе своей русские. Тем удивительнее прозвучит тот факт, что еще не так давно, в период между Первой и Второй мировыми войнами, идеолог казачьего движения атаман Краснов прикладывал значительные усилия для обоснования гипотезы о самостоятельности казачьего этноса и его превосходства над окружающими народами, доводя свою идею до создания отдельного моноэтнического государства казаков.

Хорошо еще, что внутри русского народа не началось выяснение отношений из разряда «кто чей будет» — кто из по-

лян, а кто и из древлян, – ведь славянские племена были отнюдь не однородны, да и жили не мирно. На ранних этапах нас раздирали постоянные междоусобицы, от которых полегло людей больше, чем от вторжений монголов. Хотя теперь уже и этот исторический период пересматривают все кому не лень – и вот уже мы никакие не вассалы, вынужденные платить дань Орде, а сами и есть Орда, которая платила налоги на содержание армии, стоящей на окраинах. А потом мы взбунтовались, стали мятежной территорией и отделились, так что мы не только большие и страшные, но и свободолюбивые. Да и Александр Невский – заодно еще и ханский внук, а вовсе не покоренный местный князек.

Сейчас не многие вспомнят, что в тот страшный период русской истории брат шел на брата и город на город: вырезали женщин и детей, проливали невинную, тогда уже христианскую кровь, как воду, и, не стесняясь, призывали наемников из числа иноверцев – что половцев, что татар, что ливонцев и тевтонов.

С какого момента произошла замена термина «славянин» на «русич», не столь важно. Очевидно, что само появление и закрепление в общественном сознании подобной самоидентификации могло произойти только после формирования устойчивого и сильного централизованного государства, в котором племенная роль сводилась к минимуму и на первый план выходили иные качества. Общим же и самым важным являлась преданность правителю и государству – Земле

Русской.

Интересно, что основополагающие для русского человека духовные ценности приносились, развивались и закреплялись в народе представителями самых разных этнических и социальных групп, которые долгое время растворялись и перемешивались в едином плавильном котле. Фигуры эти воспринимаются теперь как символы русского народа и его ментальности. Бессмысленно даже приводить примеры эфиопа Пушкина и шотландца Лермонтова, так как вся аристократия Российской империи была по своему этническому составу не славянской — за исключением, пожалуй, некоторых боярских родов, впоследствии все равно неоднократно испытавших вливание иноземной крови, как это видно на примере правившего рода Романовых. Напомню, что в жилах последнего русского императора текла одна сто двадцать восьмая русской крови, все остальное было немецких мелкокняжеских замесов. Такова была политика и практика российской аристократии, причем началось это отнюдь не с петровских времен, а намного раньше. Князья наши, как и правители сопредельных и дальних государств, почитали за честь сочетаться браком со знатными правящими иностранными родами, тем самым обеспечивая свои политические, военные и экономические интересы. Были среди жен русских князей и француженки, и гречанки, и турчанки, да и княжеских дочек и сестер нередко выдавали замуж за чужеземных правителей. Приходившие с землями к русской короне местные ари-

стократы сохраняли свое высокое положение и при Белом царе, служа ему верой и правдой, и часто получали говорящие для русского уха фамилии. Многие из этих семей впоследствии дали России генералов – героев войны 1812 года.

Даже языком общения – что сегодня считается основным признаком национальной принадлежности – русский язык стал уже в послепушкинские времена, до этого правили французский и немецкий. Не случаен рубленый стиль блистательной работы великого полководца Александра Васильевича Суворова «Наука побеждать»: «Пуля дура, штык молодец!» Языком повседневного общения русский для Суворова не был, дневниковые записи и переписку, в том числе с государыней императрицей, он вел на языках, привычных для аристократов, – французском и немецком.

Вот и получается, что не в крови дело. Иначе как объяснить, что по результатам голосования в проводившемся каналом «Россия» проекте «Имя Россия» долгое время лидировали немец по крови Николай II, грузин Иосиф Джугашвили (Сталин) и еврей Владимир Высоцкий?

Вряд ли людей, отдавших голоса за своих героев, волновал вопрос чистоты родословной. Определяющим фактором является роль в истории Государства Российского, служение его славе и величию, а также осознание и воплощение русского пути и исторической миссии. В каждой из этих личностей – при всей их неоднозначности и непохожести – присутствуют самые узнаваемые родовые черты нашего народа,

как достойные, так и не очень, но, тем не менее, бесспорно характеризующие русского человека.

Особенность любого человека, проживающего на территории нашей великой страны и считающего себя этническим русским, состоит в том, что через пять минут беседы у каждого найдутся и иные национальные корни – от татарских и немецких до украинских, белорусских, грузинских, цыганских... список каждый может продолжить по желанию. Такого, пожалуй, нет только у народов, проживающих в изолированных условиях, – например, у малых народов Крайнего Севера.

В тот же самый момент любое националистическое движение в первую очередь строится на попытке вывести формулу, позволяющую определить чистоту крови. Цель всего этого очевидна – создание моноэтнического государства.

Перед Россией такой выбор уже стоял в 1612 году, но историю Смуты уже и мое поколение знало плохо, а нынешние и вовсе будут лишены такой возможности. Скорее всего, к сожалению, их историческое образование будет заменено государственной пропагандой, решившей той великой победой вытеснить из народной памяти большевистский переворот 1917 года.

По роду своей деятельности я беседовал на эти темы с будущим патриархом Кириллом, который как раз и высказал в эфире программы «Воскресный вечер» мысль о выборе пути и историческом перекрестке 1612 года. Мы могли выбрать

возможность создания моноэтнического государства и превратиться в нашего соседа – Польшу. Однако Господь повел нас по пути тернистому, но славному, где многие слились в единое и единое оказалось великим.

Так кто же такие русские? Что это за странное образование на Земле – единственный народ, который называет себя именем прилагательным? К чему мы прилагаемся? Простейший ответ, что русский – это не национальность, а гражданство, не вызывает удовлетворения ни у кого. Причин множество. Одну из них впоследствии мы рассмотрим чуть подробнее – она не лежит на поверхности, но подсознательно провоцирует обиду и вражду.

Когда беседуешь с человеком иной крови, он не без гордости рассказывает о прошлом народа или народов, к которым относятся его предки, и таким образом тоже оказывается вправе претендовать на принадлежность к великой общей истории. Позволю себе непопулярный, но, тем не менее, правомерный пример – грузины, армяне, литовцы, украинцы и прочие некогда братские народы, давшие множество героев Великой Отечественной войны. Каждый из представителей этих национальностей может гордиться как общей историей нашей Родины, так и конкретной историей своего народа и его историческим путем.

У русского человека, не имеющего столь ярко выраженной иной этнической окраски, такой возможности нет – из-за чего он невольно оказывается лишен одного или

нескольких этноисторических измерений. Кроме того, можно вспомнить, что в советское время подчеркивать свою русскость было не то чтобы неприлично, но как-то не принято. Разнообразные праздники народной культуры посвящались, как правило, жителям национальных республик или обитателям отдельных областей России – Ярославской, Архангельской, Ростовской и т. д., – но практически никогда русским как таковым. Конечно, это не более чем условность, но условность между тем опасная, подводящая людей к элементарному выводу: раз так, то извольте жить там, где, как вы считаете, и есть ваши корни, а наши корни здесь. Хотя понять, где же именно находится это «здесь» в случае с русским народом крайне непросто – и не случайно.

Даже сердце современной Руси (которым, конечно, не являются и никогда не являлись ни Киев, ни Петербург во всех вариантах его наименования, ни Новгород – только Москва) носит неславянское имя и стоит не на славянской земле. Согнали мы отсюда угро-финские племена, и остались от них лишь названия географических мест. Ничего необычного в этом нет: вряд ли можно найти на земле хоть уголок, где какой-либо народ проживал бы с первого дня и до нынешнего, не переселяясь и не перемешиваясь с другими. Дело в другом: создание и расцвет великих империй навсегда скрепляют в сознании людей территорию империи и название народа, ее создавшего. Скажем, навсегда для нас в Египте будут жить египтяне, хотя ни капли крови создателей пирамид не

найти в нынешних арабах – гражданах египетского государства. Так и русский человек, родившийся в Сибири, вряд ли вспомнит о племенах, проживавших на этих землях за тысячелетия до покорения их Ермаком.

Кроме всего прочего, необходимо учитывать и услужливую работу коллективной памяти. Как отдельным людям присуща способность забывать болезненные и разрушительные моменты своей жизни и выстраивать в сознании благостную картинку со щадящей ролью субъекта в произошедшем, так и народам свойственно создавать мифы вокруг неприглядных эпизодов прошлого, выискивая оправдания, перекладывая вину на других или вовсе стирая печальный этап истории из памяти.

Так, для меня стало открытием, что до прихода в Киев варягов этот город был отнюдь не самостоятельной столицей, а хоть и довольно развитым, но тем не менее вассалом мощного государства Хазарского. Дань хазарам киевляне платили регулярно, а варягов позвали, потому что те просили меньше денег за покровительство – ситуация довольно близкая к истории многих бизнесов середины 90-х, находившихся в вечном поиске компромисса между стоимостью покровительства и его эффективностью. Что ж, как в древние, так и в недавние времена «крышевание» по своей сути было и остается довольно криминальным занятием.

Особую пикантность ситуации добавляет тот факт, что руководители Хазарского каганата были иудеями – правда,

не по крови, а по вероисповеданию. Да, исторические изыскания, выдвигающие такие теории, сейчас можно оспорить. История – послушная наука, она умеет находить подтверждение политически верным выводам в соответствии с поставленными задачами. На наших с вами глазах уже несколько городов прибавили по паре сотен лет в возрасте и сами могут теперь запросто претендовать на звание древней столицы и матери городов русских. Впрочем, я уверен, что никому не пришло бы в голову оспаривать первенство Киева, если бы не изменившаяся политическая обстановка.

Удивительно, но практически никто не отвечает на вопрос, каким образом мать городов русских – кстати, это название является абсолютной калькой с греческого «метрополия» – превратилась в столицу откровенно недружественного соседнего государства, населенного некогда братским и любимым народом. Исторический ответ, конечно, есть, хотя лично для меня самосознание украинца – вопрос открытый. Кроме того, мне кажется, что этот этнос находится пока в стадии формирования, да и основные кризисы у Украины еще впереди. Дело в том, что в западных и восточных областях Украины проживают носители столь разных культур, ментальности, языка и исторического опыта, что обеспечение их эффективного сосуществования в едином государстве потребует беспрецедентных усилий от власти, которая пока с ситуацией не справляется. Проблемы Крыма и Севастополя, при всей их сложности, представляют собой го-

раздо менее серьезную опасность в сравнении с возможными последствиями ментального водораздела между Львовом и Харьковом.

Однажды я беседовал с замечательным журналистом Игорем Свиначенко, остроумным, веселым человеком, осознанно развивающим в своей речи украинский акцент, поскольку с какого-то момента быть украинцем среди демократов стало модным – этакий оранжевый орден свободы, дарованный по рождению. Говорили мы с ним об украинской литературе. Как обычно, после Леси Украинки и Тараса Шевченко возник вопрос о национальной принадлежности Гоголя. Пан Свиначенко настаивал на том, что Николай Васильевич – великий украинский писатель, я же просил его в доказательство тезиса привести хотя бы одно значимое литературное произведение Гоголя, написанное на рідной мове.

Нетрудно догадаться, что беседа тут же закончилась. Гоголю и в голову не пришла бы идея (в Российской империи XIX века!), что он не русский, а малорусский писатель. Уж точно он не стал бы загонять себя в какие-то рамки, связанные с местом своего рождения. Ведь никто не станет на полном серьезе утверждать, что Лев Николаевич Толстой – великий тульский писатель. Конечно, нет – русский и только русский.

Почему я уверен в грядущих проблемах Украины? Потому что, как показывает опыт формирования российского народа, необходимым, но не достаточным условием единения

является общее историческое переживание. Таковым, бесспорно, являлась в XX веке Великая Отечественная война. Предвижу вопрос о горькой судьбе Советского Союза. Что ж, в дальнейшем я еще неоднократно буду обращаться как к теме Великой Отечественной войны, так и к советской теме, сейчас же отмечу, что, по моему мнению, для формирования советского народа как единой исторической общности, как это высокопарно называлось в материалах съездов, война действительно сыграла самую важную, неопенимую роль, навсегда отделив народы-освободители от народов-поработителей. У новой исторической общности мог бы быть шанс, однако общественные процессы распорядились по-иному, и Советскому Союзу не довелось пройти по пути тысячелетней Китайской империи, перемоловшей многие народы сперва в единых подданных императора, а после – с той же эффективностью – в единых сторонников Мао. Не могу сказать, что грущу по социализму, однако многое из советского прошлого не мешало бы и учесть. Не следует забывать, в частности, что фальшивая, насаждаемая сверху дружба народов куда лучше для государства и его граждан, чем искренний национал-шовинизм.

Недальновидность украинских политиков, пытающихся всеми силами найти отличия их государства от России, привела к губительному пересмотру моральных оценок войны. Возвеличивание националистов, сражавшихся против Красной Армии, вызвало колоссальный рост напряженно-

сти между западом страны – пробандеровским, исторически проигравшим, и востоком – народом-победителем, в своих оценках солидарным с Россией и не желающим воспевать врагов человечности. Могу предполагать, что Украине будет крайне сложно изжить этот разрыв, тем более что пока политика государства направлена скорее на раскол, чем на примирение.

Опыт украинского государства вызывает печаль, но в то же время является весьма поучительным, так как в очередной раз показывает, что попытка создать моноэтническое государство для нас неприемлема. Негативные моменты, подобные отказу от своего исторического прошлого и частичной потере суверенитета как плате за покровительство сильных мира сего, проявляются в аналогичных ситуациях ментально.

Интересно, что носителями ультранационалистических идей, как правило, являются люди, в первую очередь политически активные, но этнически отнюдь не безупречные – так, немногим известно, что в жилах Юлии Тимошенко не течет ни капли украинской крови. Достаточно посмотреть на лица наших националистов, чтобы убедиться в универсальности этого правила.

Важно, что поиск украинской самоидентификации происходит по общим законам. Должно быть, так же и мы отделялись от хазар – или от татар, кому какая версия ближе. Вчерашние друзья и союзники объявляются врагами, руководи-

тели – злодеями, а те, кто помогал недругам и носил клеймо предателя, обеляются и возводятся в ранг героев. Именно так украинцы пытаются сейчас отмыть Мазепу и Бандеру.

Происходит развод. Зрение поляризуется. Белое видится черным, черное – белым. Народы разделяются, расходятся в разные стороны. Основной мотив один: мы не такие, как они. Близость истории или, того хуже, этническое родство служат лишь усугублению кризиса, поэтому, как правило, при практически полном отсутствии генетических отличий приходится искать отличия духовные. Наступает период самостийных религиозных верований с колоссальным зарядом агрессии по отношению друг к другу. Тысячелетие совместной христианской истории не останавливает захватчиков церквей, а в дела духовные беззастенчиво лезут политики, которым это показано, строго говоря, исключительно для покаяния и причащения.

В мировой истории уже есть пример двух родственных народов, сводных братьев, произошедших от одного отца, исповедующих родственные религии, но тем не менее сошедшихся в смертельном клинче, – это евреи и арабы. Не хотелось бы, чтобы русских и украинцев постигла та же участь. Замечу на полях, что, к моему глубочайшему сожалению, в современном мире религия не играет столь значимой роли, какую ей приписывают. С грустью можно констатировать, что посыл Евангелия о том, что нет во Христе ни эллина, ни иудея, ни мужчины, ни женщины, разбился о суровые реа-

лии Южноосетинской войны, где православные грузины загоняли православных осетин в церкви и сжигали их заживо, а мусульмане – чеченцы из батальона «Восток» – спасали православных осетинских женщин и детей ценой своих жизней.

Я призываю вас всех внимательно смотреть на происходящее вокруг, думать и анализировать. Когда-то и наш народ шел брат на брата, и было это не только в летописные времена, но и совсем недавно. Упаси нас Бог от повторения этой страшной истории. Народы через такой трагический опыт сплачиваются, определяют себя, взрослеют и вызревают, но бывает и так, что они, принеся слишком страшную жертву, рассеиваются и исчезают во тьме веков.

Хочу отдельно остановиться на вопросе о пагубности национализма и на том, почему он особенно опасен именно для русских. Для начала надо четко понять, что это вообще такое. Выше мы говорили о том, что представляют собой русские и как опасно заблудиться в этом самоопределении. Дело в том, что, как только поиск ответа на вопрос «кто такие русские?» становится предметом генетического анализа и вычисления чистоты крови, великий русский народ сразу сводится на уровень макаки резус. Русский – это всегда категория наднациональная, категория государственного образования, категория культуры и восприятия себя в этом мире, категория внутренней свободы и ощущения справедливости. А национализм существует в меньшем количестве измере-

ний, он всегда упрощает и дает превентивный и примитивный ответ. Но самое главное – он никогда не соответствует критериям справедливости.

Ведь человек не может отвечать ни за то, на какой земле он родился, ни за за семью, в которой родился. Однако искренняя вера националистов в то, что, например, все евреи рождаются с заранее «прошитым» где-то в мозгу хитрым планом овладения миром, крайне глупа и опасна, потому что она подталкивает к ответу без тени справедливости. Русскому человеку свойственны любовь к ребенку и уважение к старику независимо от их национальности. Это просто добрые чувства, которые возникают в душе сами по себе. Но когда человек начинает думать: «Помочь этому ребенку или сначала узнать, какой он национальности?» – он, по сути, перестает быть русским и невольно уподобляется злейшим врагам русских людей – в частности, идеологам немецкого фашизма.

При этом очень важно понимать, что неэтническая природа русского человека отнюдь не означает отсутствия гордости за историю своей страны и своего народа, так же, впрочем, как не подразумевает она оправдания мрачных и позорных эпизодов прошлого. Это то, о чем писал Петр Яковлевич Чаадаев: любовь к Родине невозможна без презрения к самым черным страницам ее истории. Очень важно понимать, что нельзя красить все одной краской. Мы должны реально смотреть на мир и понимать свое место в этой жизни, и это

дает возможность оценить реальное величие России. Потому что попытки придумать какие-то стереотипы и присвоить себе то, чего на самом деле нет, ведут к потере себя. Так мы не приумножим, а лишь растеряем величие народа. Розовые очки, как и черные, не позволяют видеть другие цвета, поэтому нельзя уподобляться Страшиле Мудрому, уверенному, что если все наденут зеленые очки, то город будет казаться изумрудным. Потом, когда очки спадут, разочарование будет страшным, и люди не смогут жить с правдой. А значит, важно знать историю, изучать ее.

История подлинная и ложная

Изучение истории, а не мифов о ней, кажется мне принципиально важным моментом. Ведь мы в этом смысле несчастный народ: каждое поколение заново открывает для себя историю и, как это часто бывает, начинает верить в боковые пути научной мысли. Мы искренне убеждаем себя в том, что нам, конечно же, всегда говорили неправду, поэтому любая, самая сумасшедшая версия начинает казаться нам истиной в конечной инстанции. Этого допускать никогда нельзя. Измышления Анатолия Фоменко и Глеба Носовского, пошедших по стопам народовольца Морозова¹, следует воспринимать как исторический анекдот, забавную игру, но никак не в качестве истины.

Что в первую очередь делает версию Фоменко и Носовского ложной? То, что они верят в существование некоего всемирного заговора историков, не то похитивших, не то добавивших истории тысячу лет, что уже само по себе глупость. Для того чтобы на полном серьезе предположить, что

¹ Морозов Николай Александрович (1854–1946) – русский революционер-народник, ученый, писатель, почетный член Академии наук СССР. До 1905 года находился в заключении в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Известен как оригинальный ученый, оставивший большое количество трудов в самых разнообразных областях естественных и общественных наук. Идея Морозова о пересмотре хронологии всемирной истории получила впоследствии развитие в работах А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского.

историки всего мира могли договориться с целью скрыть от Фоменко, Носовского и всего прогрессивного человечества тысячу лет, надо обладать по крайней мере очень богатой фантазией. Можете вы себе представить договаривающихся между собой историков Китая, Японии, Германии, Франции, России?.. Но Носовскому и Фоменко хочется поступать примерно так же, как делал великий Гумилев, который выкинул из рассмотрения еврейский народ, не вписывающийся в его теорию пассионарности. Однако это всего лишь необразованность, которая может быть убедительной только в стане таких же необразованных людей. Нельзя, непочетно быть королем среди глупцов. Необходимо все-таки не стесняться говорить людям правду об их истории, просвещать их. Ведь на фоне правды великий народ выглядит еще величественней, чем на фоне лжи.

Россия – очень молодая страна. Теория пассионарности Гумилева, к сожалению, не является всеобъемлющей: древние народы, такие как армяне и евреи, сильно ей мешают. Без них теория выглядела бы замечательно. Однако, с некоторым исключением, идея о том, что у молодых народов кровь бурлит, кажется очень интересной. Так вот, русские на самом деле являются молодым народом, и кровь у нас бурлит. Некоторые, на мой взгляд, не совсем здоровые люди на полном серьезе считают русских чуть ли не прародителями мировой цивилизации, утверждая, что нашему народу несколько сотен тысяч лет. Довольно глупое заявление – ведь ес-

ли бы мы на самом деле были таким древним народом, то, наверное, уже погибли бы, так и не состоявшись. Но мы и вправду молоды. Непосредственно как русские мы сложились веке в XVII, а современным, если можно так выразиться, новым русским всего-то пара десятков лет. Исходя из этого можно смело утверждать, что в нас еще бьется молодая, живая кровь. Мы до сих пор ищем и продвигаем себя, и место у нас всегда свое, особенное.

Если согласиться с тем, что мы народ молодой, многое проясняется. Сейчас мы переживаем практически все болезни, свойственные молодым нациям. Становятся совершенно очевидными и причина возникновения теории Носовского и Фоменко, и происхождение смешных филологических изысканий Михаила Задорнова, на которые очень забавно отреагировал Евгений Янович Сатановский, сказав, что если принять за основу версию Задорнова про бога Ра, то слово «раком» будет обозначать первую интернет-страницу прошлого. А профессор Владимир Яковлевич Петрухин предложил саму фамилию Задорнова интерпретировать исходя из того же принципа: «зад» – «ор» – «нов». «И зачем же так орать этому новому?» – спросил господин Петрухин. Согласитесь, после такого анализа степень доверия ко всему сказанному Михаилом Николаевичем резко понижается.

Так вот, появление всех этих псевдонаучных теорий совершенно естественно. Подобное происходило в истории всех молодых народов, становившихся империями. Точно

таким же образом римляне старательно выводили свою родословную от греков и Трои. По точно такой же причине никак не мог успокоиться Гитлер, поэтому вновь формирующаяся после объединения германских земель немецкая нация стремилась доказать, что корни ее уходят к древним арийцам. Кстати, хотелось бы заметить, что образ современного арийца вряд ли доставит радость кому-нибудь из граждан, борющихся за чистоту белой расы. Напомню, что древнее название государства Иран – Аиранам – как раз и означает «страна арийцев». Исходя из этого легко допустить, что президент Ирана и есть самый главный ариец, однако внешность, например, Махмуда Ахмадинежада далека от расхожих представлений о «белокурых бестиях», высоких голубоглазых красавцах, и ассоциируется скорее с классическим торговцем с московского рынка.

Итак, в чем суть поисков истории и почему у нас бытует столь странное отношение к ней? Нет никаких сомнений в том, что наш вклад в историю XX века может по праву считаться великим, и мы рады этому, но нам этого мало. В своем стремлении глубже продвинуться во тьму веков мы вступаем на ложные пути, оставленные нам предшественниками. В свое время в Чехии возникла и расцвела пышным цветом целая культура исторической фальсификации: тогда был фактически придуман новый эпос и якобы найдены так называемые арийско-славянские Веды. Правда, обнаружилась одна проблема: они были написаны карандашом XIX века, но в

то время это мало кого волновало. Ведь версия Носовского и Фоменко, согласно которой истории была приписана лишняя тысяча лет, тоже возникла не на пустом месте. Она связана с тем, что многие якобы древние артефакты на самом деле были произведены в Средние века, и исходя из этого Носовский и Фоменко делают вывод о том, что именно Средними веками и следует датировать период, который мы привыкли называть Античностью. Этот вывод совершенно неверен. Стремление к фальсификации древностей всегда было свойственно людям, а в Средние века технология как раз достигла того уровня, при котором стало возможно изготавливать подделки наиболее интересных артефактов. Но ведь при желании можно найти и подлинники. Конечно, то, что сгорела Александрийская библиотека с книгами и документами, — огромная потеря для истории и культуры, однако остались и произведения архитектуры, и скульптура, и предметы быта.

Вот это страстное желание народа придумать себе еще пару веков истории почему-то считается внутренним обоснованием собственного величия, что абсолютно ошибочно. Я понимаю нашу досаду на то, что при всей нашей любви к Богу в Библии о русских нет ни слова. Существует, конечно, смешная версия о том, что русские — это этруски, но ведь и об этрусках в Библии ничего не сказано. Единственный раз, когда хоть как-то упоминается территория современной Российской Федерации, названная в источнике землей Гога и Магога, о ней говорится в не самом радостном контексте. В

связи с этим возникает несколько очень серьезных и печальных вопросов. Вопрос первый: зачем? Вопрос второй: когда мы прекратим себе врать?

Что ж, на вопрос «зачем?» более-менее приемлемый ответ нами найден: чтобы чувствовать, что у нас есть не только великое настоящее, но и великое прошлое, поэтому мы пытаемся хоть как-то прислониться к тем, кто упомянут в Библии. К сожалению, как мы знаем, среди перечисленных потомков Сима, Хама и Иафета нет никого, кто хоть как-то соотносился бы с нами, живущими ныне на нашей земле. Ни русы, ни славяне в библейских текстах не прослеживаются. Есть еще несколько удивительных по красоте фальсификаций – так, например, приверженцы одной из них на полном серьезе заявляют, что единственный народ, который не удалось покорить Александру Македонскому, – это славяне. Притом вывод делается абсолютно логичный. Звучит он так: ведь ни в одном источнике о покорении славян не сказано, а значит, Александр Македонский не покорил славян! Действительно, не покорил. Другой вопрос, что он при всем желании не мог их покорить, потому что славян в те времена попросту не было, не сложилось еще это образование. Но этому же не обязательно придавать значение! Мы, как маленькие дети, не можем себе представить, что было время, когда не было нас. Мы были всегда, и Александр Македонский нас не покорил.

Это напоминает историю, рассказанную одним выдаю-

щимся деятелем армянской культуры, человеком с огромным чувством юмора. Ряд его соотечественников, говорил он мне, искренне считает, что французский маршал Иоахим Мюрат, наполеоновский полководец, был армянином, и фамилия его изначально звучала как Мурадян. Когда я спросил, на основании чего был сделан такой вывод, он пояснил: ну как же, ведь правнучка Мюрата вышла замуж за армянина. Значит, и сам Мюрат армянин. Впрочем, другие довольно серьезные люди на полном серьезе уверяли меня в том, что Мюрат и вправду армянин, фамилия его семьи действительно Мурадян и родом он из Нагорного Карабаха, однако в данный момент я никак не могу ни подтвердить, ни опровергнуть эту версию.

Каких только усилий не предпринимают некоторые «исследователи» в течение долгого времени, стараясь придумать своему народу историю подревнее и повеличественнее! Вот уже оказывается, что Кирилл и Мефодий на самом деле ничего не придумывали, а им надиктовал какой-то русский монах. Вот уже якобы где-то имеется подлинник Нового Завета, написанный на русском языке. Вот мы уже и есть те самые арийцы. Вот мы уже и есть та самая великая ведическая культура. И вот уже мы дали все-все-все всем-всем-всем, а вокруг никого нет, и все исходит только от нас...

Конечно, разного рода фальсификаторам намного проще зарабатывать на искреннем желании народа возвеличиться, помноженном на колоссальную необразованность в вопро-

сах истории. Деградация нашего образования, падение великого здания академической науки, профанация гуманитарных направлений не могли не привести к тому, что приближительные знания и околонаучное фантазерство стали если не востребованы, то по крайней мере ничто не мешало им расцвести буйным цветом. Общие принципы преподавания истории в российских школах таковы, что историю Древнего мира пытаются проходить в пятом классе, а историю России – тоже в достаточно несознательном возрасте, причем на изучение Великой Отечественной войны отводится всего несколько недель. Закономерным следствием является то, что люди живут киношными, а то и желто-гламурными представлениями об истории.

Нельзя не согласиться с тем, что в сознании русского человека закрепляются не реальные исторические факты, а их литературное описание. Мы знаем о первых годах русского государства в основном благодаря трудам монаха, которого называем Нестором, хотя я сомневаюсь, что это было его настоящее имя. «Повесть временных лет», доступная нам в том числе и в блестящем переводе академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, позволяет всем желающим познакомиться с очень честным и максимально беспристрастным для того времени изложением некоей официальной версии о зарождении Руси. Следующее несомненно великое литературное произведение – «Слово о полку Игореве». И именно по этим двум источникам мы более-менее представляем себе, какова

была древняя Русь. Потом в нашем сознании наступает провал — во многом из-за отсутствия по-настоящему талантливых памятников литературы. Как я уже говорил, большинство россиян не очень понимает, например, почему Киев вдруг стал украинским и каким образом столица оказалась в другом месте. К сожалению, сейчас в стране, где столичная мэрия доплачивает преподавателям иностранного языка, а не русского и литературы, смешно ожидать, что дети дадут ответ на этот вопрос. Они его попросту не знают, ведь если этот момент и нашел отражение в школьной программе, то в очень поверхностном варианте. А художественных фильмов на эту тему нет, приключенческих книг тоже, ну и, конечно же, на телевидении нет качественно снятых исторических сериалов. Хотя нередко современное голливудское прочтение великих литературных произведений заставляет радоваться тому, что, скажем, Гомер не дожил до экранизации своих поэм. Конечно, в силу физиологических проблем со зрением он не смог бы посмотреть фильм «Троя», но услышанных актерских реплик ему наверняка хватило бы, чтобы прийти в ужас от того, что сделали с «Илиадой».

Сейчас на экраны вышло сразу несколько фильмов о жизни и деятельности Иоанна Грозного, об исторической достоверности которых я умолчу. Хорошо хотя бы то, что эти фильмы появились в принципе. Мы более-менее представляем себе эпоху Петра I по одноименному роману Алексея Николаевича Толстого, конечно, довольно далекому от исто-

рических реалий, наполеоновские войны – по Льву Николаевичу Толстому, революцию – по «Хождению по мукам», Великую Отечественную войну – по большому количеству прекрасных произведений советских писателей и поэтов. Однако телевидение, кинематограф и литература обошли своим вниманием существенные пласты нашей истории – и мы их не знаем. Для сравнения – несмотря на то что ваше детство осталось позади, не поленитесь открыть томик Марка Твена и перечитать его повести, рассказывающие об увлекательнейших приключениях двух юных американцев Тома Сойера и Гекльберри Финна. Вас поразит то, насколько хорошо эти мальчики, далеко не самые лучшие ученики крайне провинциальной американской школы, знают историю. Они упоминают имена, ныне совершенно неизвестные современным российским студентам, – что уж говорить о школьниках, которыми и были Том Сойер и Гек Финн. Это, конечно, ненормальная ситуация.

Незнание истории, замещение ее придумками, свойственными растущему народу, крайне опасно, потому что мы невольно перестаем понимать свое историческое значение, раздувая его до невероятных размеров, но теряя перспективу. Большим шоком для многих читателей Фридриха Энгельса оказалась его работа «Армии Европы», в которой давалась уничижительнейшая оценка как русскому солдату, так и русской армии и всему предыдущему военному опыту. Насколько противоречила эта оценка нашему привычному

представлению! Столь же неожиданным для нашего читателя будет, думаю, и тот факт, что восстание Пугачева подавляли суворовские войска, и они же обагрили себя кровью повстанцев в Польше. Все это оказалось неважным. Советское представление о том, как надо преподавать историю, предпочитало неприятные факты замалчивать. Сейчас мы закономерно вынуждены сталкиваться с рядом проблем осознания нашего прошлого. Понятно, что, во-первых, нужно избавиться от дилетантского подхода, присущего многим «исследователям». И дело не только и не столько в фальсификации истории – теория Носовского и Фоменко выглядит хотя бы изящно. Но насколько омерзительно политизированный характер носят измышления Суворова-Резуна, человека, предавшего свою страну и взявшего себе псевдонимом фамилию великого русского полководца... К слову сказать, я считаю, что его книги вообще не должны издаваться в России, по крайней мере, именно под этим псевдонимом.

Массово выходящие в последнее время совершенно отвратительные книги с названиями наподобие «Хазария против Святой Руси» опасны тем, что в них проводятся откровенно лживые идеи. Ведь не случайно еще древними римлянами был сформулирован основной закон исторической науки, который гласит: «Не лги». Исходя из этого все подобные книги вряд ли заслуживают права называться историческими. Вместе с тем проблемы осмысления и изучения истории для нас оказываются актуальными и носящими полити-

ческую окраску, потому что мы вновь присутствуем при переломном моменте: на наших глазах возникают новые государства, каждое из которых проходит ту же трансформацию сознания, что и мы, и тоже пытается прописать свою роль в истории. Отсюда появляются исторические линии Эстонии, Литвы, Латвии, Польши, Грузии, Украины. И их прочтение истории кардинально отличается от нашего. Работают целые институты, которые додумывают недостающие факты. Казалось бы, еще недавно совершенно очевидное событие – Великая Отечественная война – вдруг читается под абсолютно новым углом зрения. Конечно, попытка создания комиссии по борьбе с фальсификацией истории, предпринятая президентом Российской Федерации, похвальна – не самим фактом создания этой комиссии, а тем, что на проблему обратили внимание. Хотя очевидно, что вряд ли сейчас возможно действительно бороться с фальсификацией истории, потому что все менее понятно, где находится реальное историческое знание. Все меньше становится ученых и все больше беллетристов от истории. Но, несомненно, для того чтобы расставить акценты, необходима государственная воля – к открытому прочтению документов, к поиску ответов без чьих-либо подсказок. Не должно быть задачи выискать к очередному юбилею очередного крупного города сомнительные летописные источники, позволяющие приплюсовать к времени его существования еще 300 или 400 лет. Задача – вооружить население России знанием истории и проводить идею пат-

риотического воспитания не через фальсификацию фактов, а через глубинное осознание великих подвигов и свершений. Так, победа в Великой Отечественной войне, бесспорно, делает наш народ абсолютно великим и дает ему право на существование в современном мире и свободную новую жизнь. Ведь мы – единственный народ-победитель в такого рода войне XX века.

Древние римляне говорили: «Кто не знает истории, тот всегда юн». Это означает, что такой человек – или целый народ – ничего не понимает и им легко манипулировать. Сам факт неуважительного отношения к преподаванию, осмыслению, популяризации истории показывает, что государство не заинтересовано в том, чтобы народ знал свое прошлое и гордился им. А значит, тем, кто стоит у власти, выгодно, чтобы народ по-прежнему оставался ребенком, – ведь ребенком манипулировать всегда легко. Не то чтобы такое положение вещей являлось прямым воплощением политической воли, скорее это инстинктивное поведение власти – но, тем не менее, явно направленное на обслуживание собственных интересов.

Битва за умы

Выкорчевывание христианской веры в России происходило долго, веками, и достигло своего апогея в коммунистическом XX веке, который и подготовил колоссальное поражение, нанесенное нашей стране на рубеже XX и XXI веков. Коррозия давалась трудно, но и усилия были направлены гигантские – на протяжении без малого пяти столетий единое тело православия постепенно разрывали: через раскол, отделение церкви от государства и петровские бесчинства, через общее падение морали и нравственности XVIII века и идеи Просвещения, которые пришли в Россию чуть позже и преломились, найдя свой выход в великой классической русской литературе.

Изначально аудиторией веры и литературы были очень разные социальные группы, однако именно в XIX веке впервые произошло размывание правящего класса. Конечно, народ в своей основе был традиционно малограмотен. Аристократия же, бесспорно, умела читать и писать. Даже языки общения этих групп разнились, а представители находившейся между ними прослойки служивых и торговых с мастерами да купцами не занимались интеллектуальными поисками – для этого необходимо было владеть иностранными языками, что для подавляющего большинства представляло собой непосильную задачу.

До XIX века все интеллектуальное вольнодумство, происходившее в России, оставалось прерогативой исключительно аристократов либо, в крайнем случае, церковников. Широкие народные массы гораздо охотнее реагировали на появление какого-нибудь харизматичного бунтаря, нежели на идеи. Не случайно набор масок вождей очень ограничен – практически всегда это очередной лжецаревич.

Прелесть аристократического вольнодумства в том, что оно может привести лишь к заговору, но не к революции. Для захвата власти достаточно гвардии, тем более что она классово близка. Последний яркий пример такого поведения – восстание декабристов, где народ, представленный солдатами, конечно, был, но зачем эти люди вышли на площадь и чего ждали – никто, в сущности, не понял.

В том, как развивалась русская культура и русская мысль в XIX веке, неоценима роль Александра Сергеевича Пушкина. Именно он создал современный литературный русский язык – язык не только бытового общения, но и высоких рассуждений, язык, близкий народу и гораздо более доступный образовательно. Открылся коммуникативный канал, лингвистически объединивший весь народ. Благодаря этому появилась возможность совместного обсуждения проблем общества, пусть поначалу и в форме литературы и критики. Отсюда и революционная, гипертрофированная, морализаторская роль литературных критиков XIX века.

Многие связывают произошедшие тогда изменения с тем,

что простые люди, солдаты, увидели, как живут на Западе, во время походов 1812–1814 годов. В результате, дескать, появились декабристы, ну а дальше – все по известной работе Ленина. Не думаю, что это так. Весь XVIII век наши армии маршировали по чужбине, и ни к чему это не привело. Да и у аристократии вряд ли могли «открыться глаза»: им-то заграница была хорошо известна, зачастую гораздо лучше, чем Россия.

Итак, естественный ход истории вторгся в пределы Государства Российского и, более не сдерживаемый искусственными препонами – языковыми и образовательными, – стал вершить свои законы. И этот процесс шел не в западном скоростном режиме, где прохождение отдельных фаз могло занять тысячелетия, а взрывоподобно, революционно. Происходило интеллектуальное извержение вулкана. Россия бросилась наверстывать упущенное, проходя за десятилетия то, что у соседей отнимало века. Такое бурное развитие во всех сферах человеческой жизнедеятельности требовало осмысления, и вот тут-то на первый план вышла не философия и не религия, а словесность.

При этом русская литература XIX века оказалась идеологическим оружием колоссальной разрушительной мощи. Конечно, нельзя винить в этом гениев-творцов, и я не хочу, чтобы мои слова воспринимались как критика или как сожаление. Скорее – как размышление. На мой взгляд, в России никогда не было традиции того, что называется класси-

ческой философией. Возможно, это опять-таки связано с наследованием духовного опыта Византии, а через нее и Греции. Через греческий прообраз грамматики языка была перенята, хоть и в сильно искаженном виде, античная структура философских рассуждений, строившихся в виде диалогов. Забавно, что этот метод, весьма распространенный в Античности, многими современными православными священниками воспринимается как некий еврейский подход. Действительно, традиционное еврейское образование во многом строится на диалогах, однако я склонен полагать, что в данном случае эта несомненно эффективная метода была заимствована именно из Греции, так как степень взаимного проникновения российской и греческой культур была колоссальной.

Почему я вывожу русскую литературу из греческой философии? Понимаю спорность этого утверждения, особенно если учесть разнообразие античных школ и методов. Тем не менее хотелось бы отметить, что в России так и не сложилась традиция того, что принято относить к классической философии, нашедшей свое наиболее яркое воплощение в Германии. Вопросы бытия, морали и нравственности, роли государства и человека, которые волновали людей со времен Античности и нашли свое отражение в работах греческих философов, в нашей стране обсуждались в форме художественной литературы, при этом ответы, как правило, не давались. Точнее, ни один из предложенных рецептов не подходил для

применения в реальной жизни и в конечном итоге относился к области построения духовных утопий – что у Льва Николаевича Толстого, что у Федора Михайловича Достоевского.

Проблема русской литературы XIX века в том, что она в массе своей создавалась людьми, которые зачастую даже не являлись носителями языка и на протяжении поколений были отвоены от реальной духовной жизни народа. Хотя, конечно, возникает вопрос: а была ли та самая духовная жизнь народа? Точный ответ сейчас, в XXI веке, дать невозможно: если мы попытаемся с позиций современного человека обсудить, например, влияние журнала «Колокол» и решим сравнить тиражи тех лет с тиражами современной печатной продукции, нам даже в голову не придет считать подобное издание хоть сколь-нибудь значимым, учитывая, что тираж «Колокола» составлял всего несколько сотен экземпляров, максимум – 500–600. И общее количество людей, которые могли его читать, было отнюдь не впечатляющим в масштабах необъятной территории великой Российской империи. Впрочем, общественная мысль развивается вне зависимости от того, какой процент населения страны умеет или не умеет читать.

Тем не менее русская литература по большей части оказывалась не близка русскому народу. Получалось, что, с одной стороны, существовала некая устная традиция, которая, прорастая через былинный и сказочный слой, находила свое воплощение в уральских сказах и повествованиях Арины

Родионовны и постепенно вошла в письменную литературу, но не отразилась на философском состоянии. А литература иного типа была практически сплошь переводная. И на восприятии литературы очень сильно сказалась раздвоенность сознания: первое – массовое сознание народа, второе – массовое сознание аристократии. Эти два типа массового сознания принципиально различались между собой – как по генетическим признакам, так и по культурной традиции. Все-таки для большинства аристократов – до появления разночинцев – русский язык был неродным, вторым, в то время как для простолюдинов он был зачастую единственным. Именно поэтому далеко не всем понятен тонкий юмор пушкинских «Повестей Белкина», которые, по большому счету, представляют собой ироничную пародию, сатиру на модный французский роман, и лишь впоследствии были восприняты советской академической практикой, да и несколькими поколениями читателей Пушкина, как серьезное драматическое произведение, коим, конечно, не являются.

Но где же разрыв? Ведь во времена Пушкина его еще не было. Все-таки Пушкин не претендовал на глубокое осмысление, которое позже ему приписали пушкинисты. Пушкин относился к русскоязычной литературе скорее как к развлекательной, а отнюдь не как к философской. Попытки пофилософствовать на русском языке появились позже, с литературоведческим анализом. И вот тут и произошел тот самый печальный для нашей истории факт подмены понятий.

В чем он состоял? В 2009 году на съезде кинематографистов Никита Сергеевич Михалков произнес справедливую, хотя и печальную с точки зрения предлагаемых обстоятельств – потому что обстановка была для этого совершенно неподходящей – фразу. Он сказал, что правда без любви есть ложь. Вот, пожалуй, всю русскую литературу XIX века описывает эта жесточайшая формула. Холодное изречение правды – разоблачительной правды Радищева, правды Чаадаева, правды Достоевского и Короленко – без любви и без предложения альтернативы оказалось ложью. Дело в том, что, как позже писал Эрих Фромм, человеческой душе свойственна, в частности, тяга к саморазрушению, к наслаждению тем, насколько мы плохие. И вот здесь русская литература предложила только-только обретающему литературный вкус народу сладкую конфетку, на деле оказавшуюся ядом. Напоминает ситуацию с современным телевидением, в погоне за рейтингом предлагающим зрителю убийства, разврат и все возможные человеческие пороки. К сожалению, русская литература пошла точно по такому же пути: необразованной, невоспитанной и во многом лишенной внутреннего морального стержня читающей аудитории были предложены страшные страницы бытия, ранящие душу и не дающие никаких ответов. Гений Гоголя, ирония Салтыкова-Щедрина, величие Достоевского и Толстого оказались тяжелейшими ударами по абсолютно неокрепшему сознанию читающей публики.

Они зывали к душе, но для души не находилось позитивных ответов. Предлагались лишь черные краски и простые выводы. И народ готов был к этим простым выводам, тем более что великое слово русской литературы падало на достаточно детское восприятие окружающей действительности. Опять-таки, если внимательно посмотреть на весь опыт русского сознания, мы увидим, что к печатному слову всегда относились как к бесспорной истине, как к неким догмам. В жизнь обычного человека, вне зависимости от его сословия и звания, печатное слово входило наравне с царским указом, и именно поэтому сам факт напечатания чего-то на бумаге до сих пор воспринимается нами как сертификат абсолютной правды, истины в последней инстанции; именно поэтому даже сейчас наши сограждане к любому газетному листку относятся чуть ли не как к сводке Совинформбюро; именно поэтому столь тяжким и безысходным кажется описание темных сторон жизни, сделанное языком литературы. И так было всегда.

Получилось так, что сила слова, столь близкая традиции нашего народа, сыграла опасную роль. Литература с присущей ей убийственной меткостью ставила болезненные и очевидные вопросы: где-где, а уж в России жизнь во все века была тяжелой. Мздоимство и лиходейство, глупость властей предрержащих и фальшь священнослужителей, колоссальная нищета и несправедливость простого народа не могли не вызывать праведного гнева. Сконцентрированные в литератур-

ных произведениях, эти вопросы произвели эффект разорвавшейся бомбы среди людей мыслящих, готовых к восприятию информации, но не имеющих традиции критического ее осмысления и не знакомых с цивилизованными формами борьбы за улучшение ситуации. А скорость происходящих в обществе изменений не оставляла шанса на взвешенность или размеренность. Полутона не замечались, существовало лишь белое и черное – и исторический опыт России XIX века не дает нам ни единого позитивного эволюционного примера, как, впрочем, и сколь-нибудь удачного революционного.

Страшные слова, появившиеся на страницах книг, воспринимались как откровение – и именно благодаря этому русская литература во многом заменила для нас философию. Ведь как можно было оспаривать то, что написано на бумаге? И уж тем более когда написанное столь ужасно – а раз это плохо, то наверняка это правда! Так подсказывает весь опыт жизни в России: если тебе говорят, что все хорошо, тебя наверняка обманывают, а если тебе говорят, что все плохо, то можешь не сомневаться – это самая что ни на есть истина. Таким образом, получилось совращение русского народа горечью правды без указания выхода. И оказалось, что толпа, опьяненная горькой истиной, сродни толпе, опьяненной дешевым вином: она точно так же начинает крушить налево и направо, не задумываясь о том, что в бунте нет созидания. А с утра, проснувшись с тяжким похмельем в разрушенном новом мире, люди с ужасом понимают, что следующий день

не будет радостным, а будет еще более ужасным, потому что сломано даже то хрупкое равновесие, которое было в прошлом. Впрочем, это никого не останавливает в мутном революционном угаре.

В этом и состоит трагедия русской литературы. Притом, как ни странно, большинство русских писателей воспринимали себя посланниками новой культуры – ведь не случай – но они сами пытались объяснить смысл своих произведений. Им всегда было тесно в рамках «чистой» литературы, они каждый раз хотели быть чуть больше, чем писателями. Не буду сейчас говорить о революционной борьбе, однако как страстное желание философствовать и разъяснять свою позицию, так и дальнейшее стремление к созданию собственных теорий свойственны нашим писателям и сейчас.

Это своего рода болезнь, которой оказались подвержены многие, от Николая Васильевича Гоголя до Михаила Веллера. Писателям было тесно, и вот уже Лев Николаевич Толстой не смог устоять перед тем, чтобы создать течение, а Федор Михайлович Достоевский всю жизнь невольно тянул на своих плечах груз каторги и революционного прошлого.

Хорошо это или плохо? На мой взгляд, плохого в данном явлении оказалось намного больше, чем хорошего. Сама фраза «Поэт в России – больше, чем поэт» подчеркивает не величие поэта, а отсутствие философа. Эта формулировка с чеканной, убийственной точностью отражает попытку подмены сущностей, при которой невозможно полноценное

развитие мысли, потому что здесь мы очень хорошо видим неуважение к мыслительному процессу как таковому. Ведь в основе писательства все-таки лежит *описание*, но не *анализ*. Литература – это всегда первый слой. И даже попытки психологического анализа, свойственные хорошей литературе, – это в любом случае не обобщение, не создание глубинных теорий. Кроме того, конечно, в произведениях русских писателей очень часто видно влияние западной мысли, которое прослеживается и в творчестве Пушкина, и Лермонтова, и, как ни странно, Гоголя, и тех же Достоевского и Толстого. Просто сейчас наше литературоведение сделало все возможное, чтобы «зачистить» корни, убрать следы этого влияния. Например, мы практически ничего не знаем о Мандзони² и его «Обрученных», хотя этим романом зачитывались все классики русской литературы XIX века. В произведениях и Пушкина, и Толстого существует масса параллелей с Мандзони – но об этом мало кому известно. Точно так же мы с опозданием узнали о великой французской и великой немецкой литературе и пытаемся не замечать очень многих перекликающихся линий и аллюзий. Но ведь не только на примитивном уровне Чиполлино и Пиноккио развивалась система взаимосвязей между литературой разных стран!

К сожалению, не произошло иного – взаимопроникнове-

² Мандзони (Манцони) Алессандро Франческо Томмазо (1785–1873) – знаменитый итальянский писатель, поэт и драматург. Роман «Обрученные» – крупнейшее произведение Мандзони. – *Прим. ред.*

ния философских школ. Особенность любого русского писателя в том, что, несмотря на все попытки философского анализа, он уходил, заронив в душу читателя зерна гнева и разочарования, но так и не создав мощной философской школы, у которой появились бы последователи, – потому что, по большому счету, в их ненависти никогда не было любви. Бичуя словом и обличая пороки, они ни разу не предложили выхода, не выдвинули ни одной идеи, которая могла бы хоть кого-нибудь заразить и повести за собой. Те же, кто пытался сделать нечто в подобном роде – например, Чернышевский или Бакунин, – оказывались слишком слабы как писатели. На то, чтобы, изложив в литературной форме свои воззрения, по сути абсолютно чуждые русскому народу, суметь привлечь к ним внимание по-настоящему широких слоев общества, им попросту не хватало мастерства.

А раз так, нужно ли удивляться тому, что направления философской мысли, зародившиеся в России в XIX веке, как правило, расцветали за рубежом? Не случайно анархизм Бакунина получил гораздо большее развитие в Европе, и не случайно толстовство в конечном итоге распространилось в Канаде и США. Дело в том, что воззрения этих писателей своими, если так можно выразиться, корнями глубоко уходили в культурную среду русского аристократизма. А как мы уже говорили, – в чем заключалась трагедия аристократии в России? В том, что она всегда была иностранной. В нашей стране всегда существовала гигантская пропасть между дву-

мя культурами – культурой правящего слоя и культурой всех прочих живущих здесь людей. И эта пропасть, этот раскол отразились и в языке, и в мышлении, и в мироощущении, и в морали. Именно поэтому попытки смешения двух столь разнородных, гремучих, взрывоопасных сред по большей части приводили к печальным результатам.

Яркий пример – когда разночинская интеллигенция попыталась пойти в деревню и с ужасом узнала свой народ. Разочарование и огорчение этих людей были колоссальными. Еще один яркий пример – попытка насадить изучение Закона Божия в школах, приведшая к тому, что выросло целое поколение, позже уничтожавшее священников. Почему? Да потому что не учли особенностей русского менталитета, не смогли понять, что в XIX веке вызревала уже совсем иная культура, проявления которой в XX и XXI веках мы пытались не узнать, – это культура раскола. Создавалась совершенно иная литература – мистического характера, с элементами фольклора. Появлялись бесконечные секты, каждая из которых пыталась основать собственную традицию, в том числе литературную, с собственными Житиями, с собственными представлениями о мире. Весь этот культурный пласт нам сейчас неизвестен и практически полностью уничтожен. Но ведь именно это замалчивание привело к тому, что Россия XIX века напоминала собой айсберг, где на самом верху явственно обозначилась великая русская классическая литература, а реальные интересы и духовная жизнь народа оказа-

лись спрятаны под такой темной водой, в такой толще подсознательного, страшного, мессианского ожидания конца света, которое только сейчас современные исследователи пытаются осмыслить и приходят в ужас от того, насколько плохо мы на самом деле знаем историю мысли России XIX века.

Аристократы всегда несли бремя иной культуры. Они говорили на другом языке, рассуждали совершенно на иной манер и оперировали другими образами, нежели простой народ. Литература, популярная в их среде, никак не пересекалась с тем, что было востребовано остальным населением, в большинстве своем не умевшим читать и рассматривавшим лубочные картинки, как правило, достаточно похабного содержания. Здесь важно отметить, что, например, в литературе прослеживалось весьма широко распространившееся увлечение аристократов масонскими идеями. Сейчас нет смысла говорить о плюсах и минусах масонства – это практически не имеет отношения к теме данной книги. Но все-таки стоит заметить, что не случайно масонами были и Михаил Илларионович Кутузов, и Александр Васильевич Суворов, и члены императорской фамилии, и, как говорят, сам государь император. Не случайно мизинец Пушкина на портрете кисти Ореста Кипренского служит особым знаком, выдающим принадлежность Александра Сергеевича к масонам, и известно немало историй, рассказывающих об этом. Суть в том, что и это тяготение к масонам, и распространение католичества в изначально православной среде русского дво-

рянства, и разговоры о том, что Александр I чуть ли не стремился сам перейти в католичество, — все это четко показывает, что даже на уровне верований и тяготений аристократический слой и слой народный были практически не связаны друг с другом.

Это во многом объясняет тот факт, что роль, которую играла русская православная церковь в XIX веке, крайне непонятна. Церковь, как ни странно, оказалась как бы не с народом, тяготевшим в тот момент к каким-то полуязыческим фигурам — колдунам, скопцам и т. п. Именно народ, его предпочтения и верования породили целую вереницу шаманов, логическим окончанием которой стала личность Распутина. Ведь Распутин был всего лишь верхушкой Эвереста, он, образно говоря, стоял на плечах многих поколений. Впрочем, его возникновение на самом верху властной пирамиды говорит о том, что внутри царской семьи не в одном поколении бытовало ощущение и понимание этого глубинного псевдохристианского шаманизма, присутствовавшего в русском народе, то есть данная традиция была известна аристократии. Другое дело, что мы сейчас практически ничего о ней не знаем.

Итак, весь XIX век в российском культурном пространстве сталкивались разные традиции: одна, скажем так, католически-европейская, другая — азиатская, природная, полуязыческая, третья — вновь образовавшаяся, потерянная, пытающаяся объединить и каким-то образом примирить, успо-

коить первые две, но не находящая своего места. Именно поэтому на протяжении всего XIX века прослеживается более чем скептическое отношение русской литературы к образу русского попа. Невозможно найти ни одного произведения, где священники показывались бы позитивно, без откровенного высмеивания! И это тоже не случайно. Литература в данном случае отражала глубинные процессы отторжения официоза: получалось, что с точки зрения русского народа и попы, и аристократы говорили на неизвестном языке. И народ создавал свои псевдоверования, свою суррогатную власть, свои суррогатные сказки – и оказывался во многом *terra incognita*. Когда же этот котел взрывался, у испуганной интеллигенции и рождались панические фразы о страшном русском бунте – потому что для них народ всегда был чем-то неожиданным, непонятным и чужим.

Такого рода вызовы всегда крайне опасны. Господь предоставил своим созданиям свободу выбора, а вместе с ней – и возможность совершать ошибки. И опыт России в этом уникален, так как из-за размеров занимаемой территории наша держава обладает колоссальной инерцией. Выбрав ошибочный путь, мы несемся по нему со страшной скоростью, не в силах взять паузу и оценить последствия первого, неверного шага, необходимость которого зачастую кажется очевидной.

XIX век не удержался на патриотической волне, тон которой был задан Отечественной войной 1812 года, и скатился к социальному обличению. Не встретив сколь-нибудь достой-

ного сопротивления со стороны официальной идеологии и православия, встревоженное общественное сознание искало нового кумира.

Конечно, возникает правомерный вопрос: почему наша церковь оказалась не готова к этому вызову?

Понимаю, что, как человек невоцерковленный, я не имею права как-либо оценивать действия церкви, поэтому просто изложу свою точку зрения внешнего наблюдателя. Русская православная церковь выиграла борьбу за душу народа во времена Александра Невского. И проиграла борьбу за душу народа во времена Алексея Михайловича Тишайшего, когда начался раскол. Потому что раскол на самом деле – это и есть тот самый переломный момент, с которого вдруг стало ясно, что русский народ совершенно по-другому воспринимает церковь и веру, чем те, кто говорит от его лица. Оказалось, что русский народ не только глубоко набожен и готов за свою веру и убеждения умирать, как во времена Александра Невского, но что ему вдобавок присуща феноменальная жертвенность, казалось бы, несвойственная простым людям, и смиренность в принятии смерти. Люди сжигали себя заживо только для того, чтобы не изменить вере своих отцов.

Когда я беседовал с отцом Афанасием, современным монахом, живущим на горе Афон, – он говорил о своей жизни, о том, как он пришел в монашество, – меня поразило его рассказ о старообрядцах, с которыми он столкнулся в поисках своего пути. Старообрядческая церковь существует со вре-

мен Алексея Михайловича Тишайшего и патриарха Никона и, несмотря на все прошлые гонения и притеснения, до сих пор действует в России – со своей системой скитов, своей системой связей, системой тайных монастырей и священными книгами, которые до сих пор переписывают вручную. Это жизнь, о которой мы практически не знаем, а ведь она на самом деле есть.

Так что же получилось? Единая гигантская река, когда-то принявшая в себя крещение русского народа, постепенно разлилась множеством ручьев – но при этом ушло ощущение правды. И как только ушло это ощущение правды, как только церковь отделили от государства, русский народ тут же начал спрашивать: как же это возможно? Ведь церковь всегда была с государством, а государство – с церковью. Не случайно одни из самых душевных и духовных текстов были написаны Владимиром Мономахом. Когда читаешь эти тексты, слезы наворачиваются на глаза – сколько в них христианского смирения. И когда государство вдруг на полном серьезе заявляет, что теперь оно не с церковью, и пускается в какие-то дебри лютеранства, то в глазах народа тем самым наносится колоссальный удар как по репутации светской власти, так и по репутации церкви, которая не покарала дьявольское отродье, посчитавшее церковь ненужной.

С этого самого момента в сознании русского народа поселится непонимание: так где же всемогущая церковь и где ее защитники, коими были Александр Невский и многие дру-

гие правители Руси? В результате теряется уважение к самому институту церкви, потому что священнослужители, готовые в том или ином виде служить богопротивной власти Петра, выглядят предателями церкви, а те, кто уходит и скрывается, кажутся слабыми, неспособными бороться за чистоту своей веры и убеждений. И народ вдруг понимает, что власть не с Богом и не от Бога. Когда надо воевать с басурманами, сомнений нет ни у кого. Но когда надо говорить о душе – то с кем? Народ оказывается брошенным. Эту духовную пустоту и заброшенность невозможно было долго выносить, и начались поиски настоящей церкви. Так появлялись секты, появлялись какие-то смутные религиозные течения, с которыми всегда боролись как официальная церковь, так и власть, пытаясь их уничтожить. Конечно, продолжают существовать святые старцы и сохраняется вера в них, но отношение людей к официальной церкви становится уже более чем скептическим. Причем что интересно – если посмотреть, нет ни одного официально признанного старца, который был бы обласкан властью при жизни, то есть изначально старцы всегда оказывались в оппозиции к власти. Но при этом колдуны и шаманы всегда присутствовали при дворе и пользовались благорасположением российских императоров. А люди, которые потом для многих поколений оказывались примерами святого служения Слову Божию, при жизни властью не замечались.

Внутри церкви происходили два параллельных процесса –

постепенное выхолащивание официального православия и взрывоподобный рост сектантства. К концу XIX века различных сект расплодилось великое множество, и количество их поклонников уже было сопоставимо с численностью верующих, принадлежащих к «конвенционной» церкви. При этом надо учитывать, что, как правило, сектанты отличаются особым фанатизмом.

Дурную службу сослужил и в высшей степени формальный подход к религиозному образованию. Введение в качестве обязательного предмета Закона Божия привело к обратному результату: церковь оказалась не готова поставить в учебные заведения требуемое количество высококачественных проповедников, вследствие чего религия стала вызывать отторжение с детства, а религиозность воспринималась как символ отсталости и реакционности. Сухой и догматичный церковный метод преподавания, построенный на тупом заучивании, проигрывал традиционному гимназическому методу, подразумевавшему дискуссию и самостоятельную работу. Я уже не говорю о вечном нежелании отойти от церковнославянского языка. Нетрудно представить, как выглядели в глазах учеников священнослужители – к тому же самые обычные, отнюдь не лучшие представители церкви, – в сравнении с преподавателями русской словесности и естественных наук, переживавших в те годы романтический период становления.

70 лет социального эксперимента

Революция 1917 года стала возможной по многим причинам. Это и продолжающиеся военные потери, и страх утратить то, что было нажито во время недавнего экономического подъема, и предчувствие близкого кризиса, и распад элиты, и разрозненность общества. Конечно, существовала потребность в изменениях, существовали определенные объективные предпосылки для них. Проблема заключалась в отсутствии у власти воли к тому, чтобы осуществить эти изменения. Поэтому, как это часто бывает в незрелом, неподготовленном обществе, победил худший сценарий – самый простой и самый кровавый.

Если задуматься о глубинной природе переломных исторических этапов первой половины XX века, становится понятно, что Первая мировая война разрушила остатки клерикального монархического устройства цивилизации. Забегая вперед, отмечу, что Вторая мировая война вырвала сорняк, который вырос на этих развалинах.

Я уверен, что революция 1917 года проистекала отнюдь не из освободительного движения угнетенных евреев, не из Бунда, не из Российской социал-демократической рабочей партии, не из меньшевиков и большевиков. Не Плеханов, не Ленин и не Маркс сыграли здесь ключевую роль. Причина Октябрьской революции состоит в том, что Российская им-

перия и без того была нестабильной, и внутреннее напряжение возросло до такой степени, что прежнее государственное устройство не могло не рухнуть.

Падение началось с момента поражения в Крымской войне. Не случайно же император, не пережив позора, покончил с собой – принял яд, укрывшись шинелью, и во многом предвосхитил на самом деле уход империи. Все дальнейшие события лишь ускоряли падение. А ведь любая империя – в том числе и Российская – не может жить без побед. Геннадий Зюганов однажды мудро заметил, что наш «самый мирный народ» тихо-мирно провел 800 лет в войнах и завоеваниях, поэтому иллюзий быть не должно. И для сознания жителя империи неважно, что эти победы достигаются путем колоссальных жертв и колоссального численного преимущества, – важно, чтобы они были. Поражение в Крымской войне оказалось страшным, потому что открыло собой череду поражений. Даже блистательный талант и мудрость Александра Михайловича Горчакова, дипломатически отыгравшего все неудачи, не могли спасти Российскую империю. После этого – унижение Балканских войн, Японской войны, Первой мировой. Было ясно, что империя потеряла веру в себя, превратившись из жандарма Европы, коим стала Россия после победы над Наполеоном, в европейское посмешище.

Революция началась, по сути, еще тогда, в Крыму, во времена позора русского оружия. Поэтому ощущение поражения витало и в Генштабе, и в армии, и в жандармерии, и

во всем русском обществе. Империя готова была рухнуть. Она могла пасть либо под ноги коммунистов, либо под ноги внешнего врага, каким были немцы. Но падение было предопределено. По жесточайшей иронии истории последний русский царь и его жена оказались такими же иностранцами, как и первые правители Руси, хотя тем только в страшном сне могла бы присниться дружеская переписка их жен и их самих с руководителями враждующих государств. И только в страшном сне можно было бы представить, чтобы хозяину земли русской давал советы и назначал на должности безграмотный ведьмак, карикатурно напоминавший великих праведников, стоявших ранее у русского престола, – не Серафим Саровский, не Сергей Радонежский, не Тихон и не Никон, а темный, погрязший в распутстве, необразованный мужик. К сожалению, столь же жалкой пародией на своих великих предшественников выглядел и последний русский император. А империя-пародия не имеет права на существование.

Слабость Российской империи и явилась причиной того, что к власти пришли люди, по своей природе бездарные. Вряд ли все-таки можно усомниться в том, что Владимир Ульянов – Ленин – обладал немалыми способностями и талантами, однако воздать какие-либо почести когорте его приспешников довольно сложно – ни глубина ума, ни уровень образованности не давали им права управлять столь великим государством.

Поэтому они и погибли столь быстро, сгорели в горниле революции, уступив дорогу современным Молчалиным, глубоко безразличным к идеям, но равнодушным к системе. Главный из таких Молчалиных – Сталин – уверенно проложил дорогу себе и себе подобным. Сталин является, пожалуй, самым бездуховным российским правителем, отнюдь не будучи при этом необразованным. Никогда не забуду, как Александр Николаевич Яковлев рассказывал мне о своей работе в комиссии по реабилитации. Сотрудникам комиссии нередко попадали в руки документы с резолюциями Сталина: «Расстрелять», «В тюрьму». Причем документы эти были рукописные. «Видите, – с грустью заметил Александр Николаевич, – он хоть читал. А нынешние и читать-то не могут».

Яковлев говорил это во времена Горбачева и Ельцина. Впрочем, думаю, что ни Хрущев, ни Брежнев, ни тем более Черненко – за исключением, пожалуй, Андропова, который наверняка был неплохо, хотя и специфически, образован, – не могли сравниться со Сталиным ни по объему знаний, ни по пониманию многих вещей; однако по степени бездуховности, по глубине ледника души Сталин, бесспорно, давал им всем фору. Чернее его правителя в истории России не было. Вот уж у кого по праву в глазах должны были стоять кровавые мальчишки! В XX веке не нашлось своего Пушкина, чтобы описать сталинские злодеяния, но именно Сталин, который интуитивно ненавидел и боялся Пушкина, наиболее достоин вопроса Сальери о гении и злодействе. Учиты-

вая существующую сейчас версию, согласно которой именно Сталин отравил Ленина и сам, в свою очередь, пал от рук Бери, история Моцарта в «Маленьких трагедиях» звучит по-другому. Совсем по-другому.

Кстати, Пушкин в этом смысле вновь оказывается «нашим всем» – пугающее обстоятельство. Дело в том, что в своих произведениях – либо легких и ироничных, либо серьезных и даже мистических, как «Маленькие трагедии», вещь небольшая по объему, но исполненная глубокого смысла и совершенно законченная, – Пушкин описывал архетипы русской души. Именно поэтому мы и говорим с уверенностью, что Пушкин – это наше все. И, как выяснилось, архетипы эти практически не меняются. Это-то и страшно.

Если вдуматься, то ситуация, подобная восстанию декабристов, которые вывели на площадь солдат, кричавших «за Константина и жену его Конституцию», выглядит смешно. Примерно такие же крики звучали и в 1917 году. Невозможно было объяснить простому солдату, вчерашнему крестьянину, о чем идет речь. Какая конституционная монархия? Какая буржуазная революция? Это все были никому не нужные петербургские словеса, которые могли заинтересовать двадцать с половиной человек. Народ понимал одно: грабь награбленное. Задолго до Фромма и за несколько лет до Фрейда было найдено основное – к сожалению для всех нас – побудительное свойство человеческой души. Это совсем не тяга к любви и отнюдь не только тяга к смерти. Это

оказалась тяга к разрушению. Оказалось, что, как потом писали и Фрейд, и Фромм, человек – единственное животное, которое несет угрозу для себе подобных и с радостью себе подобных уничтожает. Большевики очень четко осознали и поняли это. На самом деле они предложили уникальную модель, и вот что интересно: эта модель работала в любом городе, в любой деревне, в любом национальном объединении. Ленину удалось завоевать страну без средств массовой информации, без телевидения, без радио. Он вовсе не был великим оратором, он лишь бросил в народ фразу, которая, как огонь по сухой листве, охватила всю Россию. Фраза очень простая: «Кто был ничем, тот станет всем». Грабь награбленное. У Достоевского было сказано: так что же, если Бога нет, то все позволено? И вдруг стало ясно, что для них Бога действительно нет и действительно все позволено. И это «все» оказалось страшным.

Веками длившийся раскол российского общества к 1917 году дошел до крайней стадии. В стране существовало несколько типов экономики, несколько видов морали. Так что Гражданская война оказалась войной не классов и по большому счету даже не цивилизаций. Все было гораздо глубже. Было ощущение войны разных биологических видов, говорящих на разных языках, живущих в разных экономических условиях. В конечном итоге люди, живущие в деревнях, перестали воспринимать горожан как часть себя, как народ. И наоборот – аристократы видели в крестьянах

даже не людей, а просто некую живую субстанцию. Ни те ни другие даже не относились к убийству иного как к убийству себе подобного, воспринимая этот факт как уничтожение взбесившегося животного, и неважно, кто взбесился – королевский олень или дворовый пес. Важно, что это не люди, не человеки.

Именно поэтому так странно выглядели какие-нибудь гимназисты, пытавшиеся что-то кому-то объяснить в деревнях, – настолько чуждыми они были. Поэтому так страшно смотреть на фотографии тех лет, когда тебе показывают портреты аристократов, а потом снимки деревенских жителей, – кажется, что эти люди не могли существовать в одном времени и на одной земле. И конечно, когда две эти расы, две цивилизации столкнулись, началась война на уничтожение. Кстати, именно в этом заключалась трагедия Белого движения. Оно было обречено с самого начала: белогвардейцы относились к народу, с которым воевали, как к плебсу, черни, быдлу, которое должно быть уничтожено, как к рабочему скоту, лишённому души, сердца и языка. И этот подход мог привести только к одному – к тому, что быдло отказалось покорно принимать смерть от руки погонщиков, а вместо этого принялось уничтожать их самих, разрывая зубами, ненавидя, делая все возможное, чтобы стереть их с лица земли и не допустить повторения прошлого... Нельзя их за это упрекать. Они умудрились стать слепоглухонемыми – и те и другие. На самом деле это одна из величайших трагедий. Русь

взорвалась изнутри, и, как происходит при любом взрыве, в этом процессе не было и не могло быть ни капли созидания. Исход взрыва всегда самый простой – разрушение.

Хотя по большому счету события 1917 года вряд ли нужно считать революцией пролетариата или крестьянства. Скорее это была кровавая поступь Хама, вне зависимости от его классового окраса. Если угодно, Октябрьская революция была спровоцирована веками бездуховности, совращения народа, отсутствием добра и позитива. В итоге развращенная, погрязшая в жажде насилия, многократно уже мысленно пережившая это насилие в разглядывании дурацких лубочных картинок, в чтении дешевых детективов о Нате Пинкертоне и исторических романов о бунтах народных героев Разина и Пугачева масса с радостью устремилась реализовать весь бред своего подсознания. Не случайно в ЧК особо отличились молодые, 17–18-летние юнцы, вчерашние гимназисты, увлекавшиеся разнообразной желтой литературой. С каким удовольствием они лили чужую кровь, как воду, чувствуя себя при этом, говоря современным языком, героями телевизионных сериалов и криминальных передач.

Большевики открыли этот тайный клапан и, когда выпустили дурную кровь, сумели клапан опять зажать, перехватив инициативу и придав происходящему некое идеологическое наполнение, наводя при этом порядок штыком и свинцом. Расстрельный поезд Троцкого наводил ужас на бунтующие губернии, потому что люди не могли понять – а поче-

му надо прекратить грабить? Но большевики сказали «хватит!» – и подавили тягу к грабежам страхом смерти, железной волей и строгой дисциплиной. И впоследствии тот же Сталин долго и планомерно уничтожал последние внутренние колебания.

На самом деле большевикам за многое можно сказать спасибо. Что в первую очередь сделали Ленин и Сталин? Они попытались стереть различия между слоями населения. На возможность революции 1917 года в первую очередь повлиял чудовищно низкий уровень грамотности в России, и не случайно большевики в первые же годы после завоевания власти стали проводить политику насильственного обучения народа, четко понимая, что иначе их разорвет точно так же, как разорвало Российскую империю. Именно поэтому была провозглашена задача добиться всеобщей грамотности и повсюду стали открываться избы-читальни. Это был мудрый шаг, который царская власть должна была сделать еще в середине XIX века, и тогда, скорее всего, никакой революции в России не случилось бы.

Тем не менее в реальности обстоятельства сложились так, что, если бы революция 1917 года не свершилась, Россия была бы обречена: к сожалению, в том виде, в каком она существовала, у нее не было шансов. Однако из всех исторических возможностей ей выпала, как ни странно это прозвучит, самая мягкая. В самом деле, Россия могла полностью потерять свое место в истории и исчезнуть, как исчезали многие

великие цивилизации до нее. Она же смогла переродиться. Что же ее спасло? Простое и ясное чувство, которое объединяет всех русских людей за всю тысячелетнюю историю существования Российской империи. Это чувство справедливости, абсолютно иррациональное по своей природе, когда человек вдруг встает и говорит: «Это неправильно. И так не будет!» Именно это чувство справедливости заставляет нас внезапно очнуться – после любой кровавой бани, после самого жуткого погрома, – прозреть и подумать: «Что же мы натворили? Нет, это неправильно! Так не будет!» И именно это чувство «так не должно быть», глубинное интуитивное чувство справедливости и правды, присущее русскому народу, во многом является его путеводной звездой и, если угодно, панацеей от тех бед, которые невольно или вольно Господь бросает на Россию.

Есть и еще одна особенность, которая спасла Россию, в отличие от многих великих цивилизаций. Она не пошла по ложному пути национальной сепарации. Она выделила человека как такового. Поэтому несмотря на все минусы и на весь сатанизм советской власти, было очень много здоровых элементов, которые большевики сумели очистить и – пусть даже в некоторых случаях совершенно случайно – поднять на поверхность, и которые относятся к сущности русской нации и русского народа.

Вопрос выбора пути, вставший перед Россией в начале XX века, был совсем не прост. Дело в том, что из множе-

ства идеологических исканий Запада нам подходили лишь немногие. Изначально и гнев народа, и его любовь опирались на специфические базовые принципы, определяющие русский национальный характер: широта, жертвенность, вера в мировое предназначение, доброта, обостренное до болезненности чувство справедливости, пренебрежение к собственной жизни и благополучию. С учетом этих черт ницшеанство нам не подходило, хотя и стало популярным среди некоторых представителей русской интеллигенции. Анархизм был гораздо ближе, тем более что достойную роль в идеологическом развитии этого учения сыграли Бакунин с Кропоткиным, но, тем не менее, не ему было суждено взорвать Россию, и уж конечно, ни одному из мистических или сугубо религиозных течений. Как ни странно, роль могильщика империи Романовых выпало сыграть далеко не самому популярному в свое время марксизму – учению довольно стройному, хотя и крайне сложному в осмыслении и, казалось бы, далекому от нашей специфики.

Многие наивно приписывают успех марксистской идеологии еврейскому происхождению Карла Маркса. Однако ничего от иудаизма в этом учении нет, а сам Маркс не был человеком религиозным. Марксистская экономическая теория представляет собой пример применения гегельянского метода анализа к базовым постулатам классической политической экономии Рикардо и Смита. Как этап развития политэкономической науки марксизм очень важен, однако нет ни-

каких причин считать его вершиной теоретической мысли. Данная экономическая теория заняла свое законное место в учебниках, но не более того. А вот политический пафос его прочтения и практического применения оказался гораздо важнее изначального теоретического фундамента. На мой взгляд, самым важным элементом политической составляющей марксизма была близость объявленных целей к внутреннему представлению русского народа о справедливости. А идеи о главенствующей роли труда (причем главным образом физического) и об общественных фондах потребления и вовсе выглядели калькой с наших представлений об общности.

Как это зачастую происходит, дьявол рядится в одежды праведные. Россия дьявола не разглядела, и тот получил уникальную возможность весь XX век собирать свою кровавую жатву.

Интересно, что коммунисты, воплощая в государственных реформах собственные воззрения, не собирались идти против многовековой традиции, во многом сохраняя форму и даже риторику тысячелетней империи, но подменяя ее сущность. Не случайно многие исследователи справедливо подмечали, что ленинизм выглядит как злая пародия на христианство – с нетленными мощами в Мавзолее, построением партийной иерархии по принципу церковной и даже кодексом строителя коммунизма, подозрительно напоминающим десять заповедей. И самое важное из перенятого коммуни-

стами у церковных деятелей – полное отсутствие критических рассуждений и дискуссий по фундаментальным вопросам и скорость предания анафеме неудобных.

Коммунисты устроили геноцид народа практически с первых дней своего правления: справедливо рассудив, что люди мыслящие и духовные представляют собой немалую опасность, они истребили или выслали из страны в первую очередь философов, ученых, религиозных деятелей. Мыслительный процесс и духовный поиск представлялся им настолько страшным, что они сделали все возможное для оболванивания народа. Это нашло свое проявление как в уничтожении цвета нации, так и в постоянном принижении роли умственного труда и осознанном возвеличивании труда физического. В обществе была создана атмосфера нетерпимости к любому проявлению интеллекта, особенно если он был направлен в сферу общественных наук. Инженеры были нужны, философы – страшны. Система осознанно уничтожала и растлевала церковь, подкупая желающих служить советской власти и каленым железом выжигая праведников. Любой несанкционированный интерес к религии воспринимался как угроза общественному благополучию. Не делалось исключения ни для одной области эзотерики: все должно было быть строго подконтрольно.

Один из самых важных, ключевых моментов существования советской власти, зачастую оправдывающий сам факт ее существования, – это победа в Великой Отечественной вой-

не. Бессмысленно анализировать все аспекты этого эпохального события, позвольте лишь предложить свой взгляд на это столкновение добра и зла. Суть победы, как мне кажется, заключалась не только в уничтожении национал-социализма в его самой страшной форме. В результате этого страшного столкновения получил смертельный удар и коммунизм – он хоть и распространился по планете, однако дал трещину, которая впоследствии и привела к его гибели. Потому что именно Великая Отечественная война послужила сильнейшим катализатором возвращения к религии – в том числе и на государственном уровне, начиная от знаменитого сталинского обращения «братья и сестры» и заканчивая возрастанием влияния церкви и возвращением к русской истории.

Результатом становится очередной виток интереса к вопросам духовности, очередной всплеск интереса к литературе – и вот уже под воздействием совокупности этих факторов идеология коммунизма, повторив все ошибки русского дореволюционного православия, терпит сокрушительное поражение в войне с демократической идеологией.

Таким образом, тяжелейшие потери, понесенные нашим народом в войне, являются по своей сути искупительной жертвой, расплатой за ошибочно выбранный путь, а фашистская Германия послужила страшным орудием в Божьих руках для реализации этого плана. Взглянув под таким непривычным углом, можно ответить на вопрос, что хуже – коммунизм или фашизм. Конечно, «оба хуже». Мало кто заметил,

что как нашему народу было послано страшное испытание в наказание за коммунистическую ересь, так и немецкому народу за кошмарную преступную нацистскую идеологию, повергшую ниц лютеранство, было послано кровавое искупление, а орудием стала наша страна. Господь схватил наши заблудшие народы и, столкнув их друг с другом, выбил дикие богопротивные идеи – однако цена за это была заплачена колоссальная. Можно говорить о том, что наша ересь была все же менее страшной, чем германская, так как именно нам была дарована победа. Однако распорядиться победой достойно мы не смогли – на мой взгляд, во многом это произошло из-за нашей гордыни, когда был упущен шанс на покаяние после смерти Сталина. В отличие от нас, немецкому народу пришлось пройти через публичное унижение Нюрнбергского процесса и, пусть и насильственно, но принять коллективное участие в искуплении грехов нацистов. Мы же не только не осознали необходимости отказаться от коммунистической идеологии, но и попытались ее реанимировать и на штыках разнести по всему миру. Думаю, одна из причин этого в том, что не нашлось людей, достаточно мощных духовно, чтобы повести народ за собой. Сейчас, анализируя тот период отечественной истории, я не могу найти никого, кто предлагал бы альтернативный путь – не говоря уже о пути духовном. Весь XX век мы упорствовали в своей гордыне, для того чтобы впоследствии впасть в еще больший грех – уничтожения.

Можно смело сказать, что красный дьявол в нашей стране потрудился на славу, «зачистив» интеллектуальную элиту и не дав ей шанса на возрождение. В конце концов коммунизм задушил себя сам, не справившись с геронтофилией на государственном уровне, когда системное слабоумие вошло в принципиальное противоречие с задачами управления гигантской экономикой. «Красный» подход к интеллектуалам сыграл с коммунистами злую шутку. Те, кто принадлежал к первому поколению большевиков, были, бесспорно, людьми образованными и думающими, хотя и не блестящими – по сравнению с современниками скорее посредственными, отсюда и столь страстная зависть и ревность. Однако их попытки выкорчевать интеллектуалов привели к тому, что всего через поколение даже эти середнячки стали казаться колоссами.

Конечно, целенаправленное оглупление и отупление всего народа невозможно, это утопия. Для управления столь большой и сложной системой, какой является страна, все-таки требуется определенный контролируемый уровень интеллекта. Задачу частично решало привлечение иностранных специалистов, но, тем не менее, надо было и воспитывать своих – отсюда возрождение системы технических и научных школ. Хотя и система воровства необходимых технических знаний работала великолепно – результаты выдавались за открытия наших ученых, хотя честнее было бы хвалить разведчиков. Именно поэтому разработку атомного оружия

вел Лаврентий Берия: разведка находилась в его ведении, и она-то и давала существенную часть необходимого научного материала, разработанного в США.

Для управления людьми нужны были проверенные кадры – то есть классово близкие, но в то же время обладающие классово чуждым навыком управления. Решить эту задачу непросто: имеющиеся селекционные школы – высшие партийные – сталкиваются с естественным ухудшением качества материала от поколения к поколению, так как система по прополке мозгов работает и талантов становится меньше; кроме того, талантливый народ хотя и не перестает рождать способных детей, однако благодаря существующей государственной политике они либо мимикрируют, либо оказываются классово чуждыми. Даже система пайкового распределения не помогала. Принято считать, что существование спецраспределителей было вызвано в первую очередь недостатком товаров, ну и, конечно, необходимостью закрепления людей в системе иерархии – паек становился материальным символом их значимости. Выскажу крамольную мысль: я думаю, что корни этой системы гораздо глубже и страшнее.

Напомню, что сразу после революции большевики крайне активно занимались разнообразными психологическими и антропософскими опытами и исследованиями. Внимание уделялось всему – от воздействия на психику наркотических веществ до пересаживания органов животных с целью омоложения и получения уникальных боевых характеристик.

Хорошо известно, что многие крупные деятели, как, например, Дзержинский, были кокаинистами. Это отнюдь не свидетельствует об их распущенности – просто согласно господствовавшей в то время точке зрения надо было любыми способами подстегивать работоспособность, а сон считался помехой, поэтому приветствовалось все, что могло заставить мозг работать быстрее и лучше, – однако отсюда же проистекает и колоссальная жестокость одурманенных наркотиками чекистов. Проблема в том, что такие методы хороши для текущего момента, но не отвечают глобальной – абсолютно сатанинской – задаче создания нового человека. В этом смысл всего XX века – в попытке переписать весь божественный замысел и присвоить себе функцию Бога. Дьявол выковыривает себе слуг из людей, созданных по образу и подобию Божьему. Но для переделки человека уже недостаточно совращать и покупать души – надо, как в инкубаторе, сразу вывести новую, порочную породу, что, бесспорно, сложно, так как Божественное начало сильно и все равно пробивается на свет.

Основная хитрость этого замысла в том, что его никто особо и не скрывал. Цель – создание нового человека – декларировалась открыто, но вот смысл процесса доходил лишь до единиц. При этом использовались многие наработки ученых со всего света. Напомню, что и педология, как система формирования нового человека через воспитание в школах, получила мощное развитие. Школьному образо-

ванию вообще уделялось огромное внимание. Так, широко использовались идеи учеников Фрейда, в частности Лурье. Гигантские эксперименты проводились в области морали – начиная от полной сексуальной распущенности, продвигавшейся, в частности, госпожой Коллонтай и получившей обоснование в скандально известной теории «стакана воды», и до вопиющего ханжества, выразившегося в утверждении: «В СССР секса нет». При этом очевидно, что любая смена морального курса происходила не случайно, а как результат анализа влияния соответствующих идей на массы. Выяснилось, что ханжество управляемых полезно, так же как и распущенность управляющих, – отсюда и «комсомольские бани», и прочие радости жизни.

Так вот, идея продовольственных пайков несла глубинный смысл, так как отражала через систему питания попытку вырастить генетически различающиеся породы людей. Заводские столовые выкармливали рабочий класс с мышцами, а вот питание партийных бонз содержало продукты, способствующие и увеличению продолжительности жизни, и улучшению работы мозга. Из них выращивали новый тип человека – управленцев, а из нас – рабочий скот. Полезно было бы проанализировать средний возраст наступления смерти по естественным причинам в разных – позволю себе неприятный термин – модифицированных группах населения, но не думаю, что такая статистика находится в свободном доступе. Однако вряд ли можно ожидать, что богатая жирами

и крахмалом пища основной массы советских людей была сколь-нибудь полезна для здоровья. По крайней мере, всем известным диетологическим школам советская система питания абсолютно противоречит.

Казалось, созданная система будет незыблемой, на века, и ничто не сможет ее победить. На самом деле советская власть могла бы не рухнуть еще лет 200–300, надо было только соблюдать правила игры. Именно поэтому даже страшной ценой войны не удалось быстро выбить коммунизм из России, уж больно глубинную работу провел Сатана. Однако все учесть невозможно. Начинают работать малые факторы – такие, например, как закон сохранения чиновника в системе, когда человек не может смириться с появлением среди собственных подчиненных кого-либо более яркого и талантливого, чем он сам. Таким образом, у молодых пропадает перспектива роста, и возникает системный кризис, который необходимо разрешать либо средствами партийных чисток, либо развязыванием войны. Трудность в том, что даже партийные чистки должны быть инициированы людьми, находящимися в определенной физической и моральной форме, – ведь и зло творить нелегко. Версия о Сталине, поплатившемся жизнью за то, что он из-за собственного возраста не успел вовремя нанести удар Берии, который занимал в списке потенциальных жертв одно из первых мест, дает нам очень яркий пример, вне зависимости от своей правдивости.

Да и подпитка интеллектуального потенциала элиты все

время натывается на проблемы. Ведь божественный замысел силен, и даже в семьях злодеев рождаются люди мыслящие. А значит, не удастся вырастить генетических преступников, скорее наоборот – дети испытывают колоссальные душевные переживания от осознания греховности своих отцов. Отсюда и громкие дела 50-х годов о молодежных террористических организациях детей высокопоставленных родителей – у детей была информация и интеллект для ее анализа. Значит, надо по-прежнему обращаться за человеческими ресурсами к рабочему классу, но он-то низведен до уровня физической силы, в итоге падает качество материала. Система начинает давать сбои. Никто не хочет становиться жертвой чистки, и по молчаливому сговору элиты послесталинских времен кровавые встряски уходят в небытие. И сразу возникает проблема мест для вновь поступающих кадров. А следствие этого – раздувание бюрократической системы и падение ее профессионального уровня из-за фактического отсутствия возможностей роста, которые появляются почти исключительно в результате естественной убыли вышестоящих начальников. Ну а на самом верху – неминуемое старение высших руководителей и их страстное желание занимать руководящее кресло до последнего вздоха, обусловленное патологической боязнью потерять власть, то есть подмена здоровой конкуренции аппаратной борьбой. Но общество, которому некуда расти, начинает болеть. Новая кровь все равно должна была прибывать. Сталин решал эту задачу просто – уничтожая

предыдущее поколение и тем самым открывая молодым дорогу наверх. Приблизительно тем же путем шел и Хрущев, только уже не уничтожая людей физически, а отправляя в отставку. А вот Брежнев стал основоположником советской геронтократии, которая в конечном итоге и погубила систему.

Таким образом, война нанесла тяжелый удар по коммунизму, но мощная бюрократическая паутина, опутавшая страну, этот удар поначалу выдержала и попыталась реорганизоваться. Однако в силу присущих советской системе особенностей любая попытка смягчить ее и придать чуть больше человечности ведет к ее гибели, что, тем не менее, занимает определенное время. При этом, как я уже говорил, система могла бы жить практически сколь угодно долго, если бы продолжала оставаться закрытой. Как показывает опыт Южной и Северной Кореи, а также Китая, можно как добиваться определенных успехов в экономике, так и морить свой народ голодом, если отсутствует контакт с внешним миром, что позволяет удерживать страну в повиновении. Дело в том, что темпы экономического роста никак не связаны с уровнем демократизации общества – зачастую именно тирании имеют максимальные показатели.

Кстати, замечу на полях – во время пятидневной Южно-осетинской войны летом 2008 года несостоявшийся захватчик, президент Грузии Михаил Саакашвили, заявил в эфире CNN буквально следующее: мол, русские оккупанты воюют

с нами, а ведь именно наша страна – образец и оплот демократии на Кавказе, именно у нас самые высокие темпы экономического роста, самый низкий уровень коррупции, самый низкий уровень бюрократизации и выборное назначение членов парламента и главы республики. Похоже, господин Саакашвили плохо знает историю или осознанно ее искажает – ведь наличие перечисленных показателей совсем не означает, что страна демократическая. Напомню, что нацистская Германия перед Второй мировой войной могла похвастаться куда более замечательными результатами, а опыт борьбы Муссолини с мафией и вовсе признан выдающимся. Однако никому не придет в голову назвать предвоенную Германию или Италию демократиями, хотя и Гитлер, и Муссолини в какие-то моменты своей карьеры играли по правилам, которые считаются демократическими. Здесь, как это зачастую бывает, форма подменяет содержание.

Вообще эксперимент советской власти, бесспорно, является самым интересным, по крайней мере, из того, что происходило в XX веке. Я считаю, что человечество в принципе должно с большим вниманием изучать именно этот советский опыт, тем более что он продолжается до сих пор. Что, к примеру, мы видим в Северной Корее, когда вся страна верит, что спутник запустили, а весь мир знает, что нет, – но корейцам говорят, что спутник летает и передает музыку, и корейцы вынуждены в это верить? Все в точности как в Советском Союзе. Некоторые впечатлительные граждане

вспоминают Оруэлла – либо «1984», либо «Скотный двор». Они даже не понимают, как далеки они от действительности. Правда в том, что советская страна воспитала и развила ту особенность русской души, о которой писал Фрейд, – амбивалентность. Мы научились на генетическом уровне лгать себе. Я уже не говорю про окружающих – но себе мы лгали в первую очередь. Мы научились не верить официальным речам, но делать важные лица и не верить самим себе, когда нам надо было вставать и аплодировать.

Семьдесят лет беспримерного подвига и беспримерной подлости. Семьдесят лет без единой справедливой оценки. Семьдесят лет великих достижений страны, не приходящей в сознание ни на секунду. Получилось так, что страна отключила половину областей мозга, отвечающих за рацию, но оставила, если угодно, чувство внутренней справедливости, которое ее спасло. Потому что на фоне этой внешней подлости все равно были отношения между людьми и любовь к близким, любовь к Родине и уважение к старикам. И они, по большому счету, вывозили, вытягивали наш народ, несмотря на всю пошлость, глупость и чушь внешнего мира.

Семьдесят лет феноменального исторического опыта. Чем-то это очень отдаленно напоминает книгу Джанни Родари «Джельсомино в Стране лжецов» – жителям той страны приказано было называть белое черным, а черное – белым. Но такое сравнение не совсем точно. Скорее, был создан новый математический мир, где, понимая правила иг-

ры, ты мог сам рассчитать по формулам линию поведения. При этом советская власть интуитивно очень тонко чувствовала малейшие симптомы, осознавала, где именно пробивается этот неприятный росток правды, который может ее уничтожить, и честным образом пыталась закатать в асфальт, сгубить на корню, оболгать все то, что каким-то образом ей угрожало. Великолепно работало искусство мимикрии и замещения. Так, каэспэшная тусовка должна была подменить своим комсомольским подлым угаром протестность Галича, Окуджавы, Высоцкого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.